

ЗНАКИ С У Д Ь Б Ы
Наталья Калинина

Загадка
Старого Яльбоса

Команда исследователей паранормальных явлений

Наталья Калинина

Загадка старого альбома

«Калинина Наталья»

2009

Калинина Н. Д.

Загадка старого альбома / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья», 2009 — (Команда исследователей паранормальных явлений)

ISBN 978-5-699-39550-7

Листая пожелтевшие страницы старинного фотоальбома, обращаешь внимание, что на каждой фотографии в нем – новое лицо. Что же объединяет всех этих совершенно непохожих друг на друга людей? Может быть, какая-то страшная тайна? Журналист сомнительной газеты Илья оказывается втянутым в эту историю почти что случайно. Однако не зря говорят, что случайных совпадений не бывает. Прошлое настойчиво напоминает о себе, а судьба послала ему встречу с девушкой, которую он когда-то любил. Живы ли бывшие чувства и властно ли прошлое над настоящим? Илье только предстоит раскрыть загадку старого альбома, а заодно разобраться в собственной судьбе.

ISBN 978-5-699-39550-7

© Калинина Н. Д., 2009

© Калинина Наталья, 2009

Содержание

Пролог	5
2009 год	8
Клавдия	16
Зинаида Львовна	21
Алевтина	25
Диана	30
Павел Иванович	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталья Калинина

Загадка старого альбома

Пролог 1913 год

– Так что передать Семену Васильевичу?

Прасковья старалась держаться уверенно, но невольно тушевалась рядом с этой молодой женщиной с надменной линией губ и тяжелым, будто могильная плита, взглядом. Будь на то Прасковья воля, она бы держалась от Софьи подальше, но хозяин доверил Прасковье важное поручение и наказал без положительного ответа не возвращаться. В душе она даже осуждала Семена Васильевича – не дело он задумал. Не нужно бы ни связываться с этой Софьей, будь она неладна, ни тем более тревожить дух упокоившейся хозяйки, матушки Семена Васильевича. Но перечить, понятное дело, Прасковья не смела.

Она нервно переступала с ноги на ногу и комкала грубыми, покрытыми цыпками руками фартук. А ежели Софья откажет? Что ей, Прасковье, тогда прикажете делать? Нрав у хозяина крутой, жди наказания за малейшую провинность.

Девушка осторожно скосила глаза на возвышавшуюся на крыльце молодую женщину. Та, сложив на груди руки, сквозь полуприкрытые веки рассматривала свою гостью и не торопилась с ответом. «Чур тебя!» – мысленно открестилась Прасковья и принялась про себя читать «Отче наш». Ведьма! Ведьма эта Софья, самая настоящая ведьма, чтоб ее!.. Это же надо такое творить – тревожить души упокоенных!

Колючий изучающий взгляд остановился на пальцах Прасковьи, теребящих передник, и девушка невольно спрятала руки под фартук. На губах Софьи показалась мимолетная усмешка.

– Я дорого беру за свои услуги, – промолвила наконец ясновидящая.

Каждое слово она произносила так весомо, будто отмеряла золотом.

– Семену Васильевичу об этом известно, – поспешно закивала Прасковья и заискивающе, снизу вверх, посмотрела на молодую женщину.

До чего же она хороша! Прасковья не могла не признать, что Софья была настоящей красавицей. Пожалуй, подобных девушка еще не встречала. Даже жена друга Семена Васильевича, Наталия Павловна, затмевавшая на балах других барышень, проигрывала Софье в привлекательности. И дело было даже не столько во внешней красоте – белизне кожи, тонкости талии, изящности запястий, правильности черт, сколько во внутреннем магнетизме. Вокруг Софьи словно сплелись колдовские чары, и всякий, кто заговаривал с ней, оказывался в ее власти, стремился к ней, будто мотылек к огню. Даже Прасковья, несмотря на свои страхи, глядела на Софью с откровенным восхищением. Что уж говорить о мужчинах!

Софья появилась в городе недавно, но о ней уже говорили, ее наперебой приглашали в лучшие дома. И далеко не всех гордячка достаивала своими визитами. Вела она себя так гордо, будто королева.

Но Прасковью не проведешь. Никакая она не королева, эта Софья, а ведьма! И красота ее никак не богом дана, а дьяволом. Ведьминская красота... Прасковья еле удержалась от того, чтобы суеверно не перекреститься. Ох, Семен Васильевич, отговорить бы вас связываться с этой ведьмой, да как? Уж ежели вы что решили, то лбом скалу прошибете, да с дороги не свернете. Девушка еле слышно вздохнула.

– Сегодня около полуночи я буду у Семена Васильевича. Пусть пришлет провожатого, – почти не разжимая губ, произнесла наконец ясновидящая. – И к моему приезду все должно быть готово.

Но не успела Прасковья уточнить, что Софья имела в виду, как та уже развернулась и скрылась за дверью своего дома. «Как бы Семен Васильевич повторно не отправил меня сюда, спрашивать...» – с беспокойством подумала девушка, в недоумении взирая на закрытую дверь. Прасковья еще минут пять потопталась у подножия лестницы в надежде, что Софья вновь выйдет на крыльцо и объяснит все подробно. Но, так и не дождавшись появления хозяйки дома, развернулась и побрела прочь.

...До полуночи оставалось всего ничего. С минуты на минуту за ней должны были приехать. И Софья, собираясь, прислушивалась, не раздастся ли на лестнице шум шагов.

Рассматривая свое отражение в зеркале, она самодовольно улыбалась. Глядя на нее, такую утонченную, хрупкую, гибкую, с белой фарфоровой кожей и идеально правильными чертами, никто даже подумать не мог, что Софья происходила из обычной крестьянской семьи. Честно говоря, девушка подозревала, что мать ее совершила грех с каким-нибудь молодым человеком благородных кровей, приехавшим в их края на охоту. Иначе как объяснить тот факт, что у пары, обладающей заурядной деревенской внешностью, родилась такая красавица, да еще с манерами аристократки?

Свою внешность Софья любила и холила. Едва узнав цену своей красоты и почувствовав дарованные ей силы, Софья сбежала из деревни в город. О своем происхождении девушка постаралась забыть. Теперь она – внебрачная дочь, появившаяся на свет в результате адюльтера знатного человека и служанки. Мать-служанка умерла в родах, а маленькая девочка осталась воспитываться в бездетной семье этого знатного немолодого человека и его пожилой супруги. Такую легенду выдумала Софья, охотно ее рассказывала и вскоре поверила в нее сама. О настоящей матери, крестьянке Марфе, она и не вспоминала.

Может, урожденной аристократкой Софья и не была, но ее внешность вкупе с модными способностями медиума открыли ей двери в лучшие дома. Слава о необыкновенной ясновидящей шла впереди нее. Ее часто приглашали на вечеринки «столоверчения», проводившиеся в качестве развлечения. А иногда звали и ради важного дела, как, например, сегодня Семен Васильевич Скоропытин, который пожелал с ее помощью узнать у недавно умершей матери, куда та спрятала шкатулку с фамильными драгоценностями. От Софьи требовалось вступить в контакт с духом упокоившейся и уговорить ее открыть тайну. Подобные услуги Софья оказывала не впервые и всегда получала за них щедрое вознаграждение.

На лестнице послышались шаги. Девушка торопливо убрала черные тяжелые волосы под белый полупрозрачный шарф, оправила руками идеально сидящее на ее изящной фигуре платье и подкрасила и без того сочного цвета губы помадой. Нет, все же ей сказочно повезло! Обладая она, к примеру, внешностью Прасковьи – неказистой девахи, которая сегодня побывала у нее с поручением, даже модные способности медиума не принесли бы ей такой популярности, которой она сейчас пользовалась. Софья на мгновение прикрыла глаза, вспоминая Прасковью, и с неприязнью передернула плечами. До чего уродлива! Плоское широкое лицо, глаза навывкате, приплюснутый нос и выдвинутая вперед тяжелая нижняя челюсть делали бедняжку очень похожей на собачонку одной из этих модных пород, названия которых Софья не помнила, но считала безобразными. Наверное, молодой девушке нелегко жить с такой внешностью!

В дверь постучали. Софья перекинула на одно плечо концы шарфа, повязанного на волосы, расправила их и отправилась открывать.

Софья могла вступать в контакты с душами, узнавать тайны прошлого и, иногда, открывать занавесу грядущего. Но то, что должно было случиться этим вечером, не смогла

предугадать. Если бы перед ней хоть на мгновение открылось ее собственное будущее, она бы ужаснулась увиденной картине. И ни за что, ни за какие деньги не отправилась бы этим вечером в дом, в котором ее уже ждали.

2009 год Зинаида Львовна

– Опять двадцать пять! – с досадой выругалась Зинаида Львовна, увидев, что дверь подъезда опять нараспашку.

Снова какой-то умник подложил под порог кирпич. И стоило, спрашивается, выкладывать большую, по пенсионным меркам, сумму на установку кодового замка, если нерадивые соседи то по забывчивости, то с умыслом не запирают дверь? Зинаида Львовна поджала тонкие губы и решительным шагом направилась к крыльцу, по пути мысленно отметив, что неплохо было бы покрасить лавочку. С позапрошлой весны не крашена! И заодно не мешало бы спилить опасно надломленную ветром ветку старого клена. Впрочем, за исключением этих недочетов, двор казался чистым и ухоженным. А ведь совсем недавно запущенностью и замусоренностью напоминал городскую свалку. Но то ли благодаря тому, что Зинаида Львовна завалила администрацию поселка жалобами, то ли потому, что после районных выборов произошли кое-какие перестановки, мэрия всерьез взялась за обустройство и озеленение городка. На улицах появились дворники – верткие и ловкие парни со смуглыми скуластыми лицами и азиатским разрезом глаз. Мусор собрали и вывезли, на пустыре за домом выстроили детскую площадку, вид из окон облагородили газонами. Только на фасаде здания темнели, подобно кариесу, пятна, оставшиеся от обвалившейся плитки.

«От ремонта дома не отвертятся, – подумала Зинаида Львовна в адрес администрации. – Хоть косметический, но обязаны сделать!»

Проведение капитального ремонта дома являлось следующим пунктом ее программы. Ей даже удалось добиться того, что здание проинспектировала специальная комиссия. Вот только постановления о ремонте так и не последовало. По мнению комиссии, необходимости проводить капитальный ремонт пока что не было. «Деньги им жалко выделять», – сделала собственные выводы Зинаида Львовна. И решила добиться хотя бы облагораживания фасада и покраски стен в подъездах.

В этой девятиэтажке, торчавшей среди хрущевок подобно единственному целому зубу в щербатой челюсти, она жила чуть более тридцати лет – с тех пор, как ее муж Евгений Валентинович, будучи военным, получил распределение в этот подмосковный поселок. Первый год им пришлось тесниться в общежитии, а потом они, как и другие семьи военных, получили квартиры в новостройке. С тех пор утекло много воды: и сын Дениска вырос, и Евгений Валентинович умер, и соседей прежних в подъезде не найти, и пустырь за домом застроили. Только Зинаида Львовна оставалась почетным старожилом девятиэтажки.

«Схожу в жэк, напомним про лавочку, а заодно спрошу, когда ремонт планируется», – решила женщина, поднявшись на крыльцо и входя в подъезд. Дверь за собой она аккуратно прикрыла, но, не услышав привычного щелчка, ахнула. Сломали замок! Тысяча рублей, отданная за установку домофона, – коту под хвост! Зинаида Львовна скорбно поджала губы, а глаза вспыхнули гневом от пришедшей в голову догадки, чьих это рук дело. Вовки, соседа – четырнадцатилетнего оболтуса, – и его дружков. Больше некому! Завели моду сидеть на лестничной площадке, шуметь, сорить, сквернословить. Замок и ставился-то ради того, чтобы в подъезде перестали собираться сомнительные компании. Да разве Вовке и его друзьям, безобразникам, помеха какой-то там замок!

– Вот я вам! – взревела Зинаида Львовна и победоносно вскинула вверх кулак, словно вышедший на тропу войны индеец – боевой топорик.

Это она просто так не оставит! С Вовкой и его друзьями она боролась уже долгое время, но все щадящими методами – отругать, пожаловаться родителям. Испорченный замок послу-

жил последней каплей, переполнившей чашу терпения Зинаиды Львовны. Тут нужны другие меры. Например, отправить официальную жалобу в соответствующие инстанции. На этот раз Зинаида Львовна решила заявить на Вовку и компанию в милицию, и в заявлении указать не только на сломанный замок, но и на шум, сор, сквернословие. Должна же быть какая-то управа на проблемных подростков, если уж ни родители, ни школа с ними справиться не могут!

Зинаида Львовна приободрилась, но, подходя к лифту, засомневалась в том, а станут ли рассматривать в местном отделении милиции ее жалобу, не отправят ли сразу в бумажную корзину? Все может быть. Лучше уж сразу писать в мэрию, а то и прямо губернатору области. И заодно отметить халатную работу местного отделения милиции – в качестве профилактики, чтобы не расслаблялись. А то у них под носом ломают кодовые замки, а они и ухом не ведут. Безобразие!

Сочиняя жалобу губернатору на Вовку, соседа, и местное отделение милиции, которое не проводит воспитательных работ с трудными подростками, Зинаида Львовна подошла к лифту и мысленно добавила в жалобу еще один пункт – не забыть бы хулиганов, которые опять подпалили кнопку. К счастью, кнопка сторела не дотла, и вызвать лифт оказалось возможным. В противном случае пришлось бы Зинаиде Львовне идти пешком аж на шестой этаж. И тогда дело бы не закончилось жалобой губернатору! Как минимум президенту России!

Когда Зинаида Львовна поднялась на свой этаж, письмо губернатору области было продумано, но за его написание женщина решила сесть вечером. Сейчас у нее были важные дела: разобрать сумки с покупками, приготовить диетический куриный суп и котлеты, позвонить сыну, чтобы позвать его на ужин (наверняка эта вертихвостка, которую по какому-то недоразумению он взял в жены, ему ничего не приготовила!), заодно ненавязчиво поинтересоваться у Дениски, когда он думает разводиться со своей свистушкой (а в том, что это рано или поздно произойдет, Зинаида Львовна не сомневалась. Долго ли мужик выдержит такую жену, которая к плите даже не подходит!), затем посмотреть две серии идущих друг за другом вечерних сериалов, а там уж можно и за письмо садиться.

Зинаида Львовна вошла в свою квартиру – маленькую, но порядком и стерильностью перещеголявшую бы любую операционную, переобулась в уютные тапочки и с хозяйственной кошелкой, полной покупок, прошла на кухню. Но едва женщина водрузила сумку на стол, как ее внимание привлекло нечто, вступающее в диссонанс с чистотой вылизанной до блеска кухоньки. На стене, ближе к потолку, чуть выше пограничной линии между краской и побелкой, темнело пятно. Зинаида Львовна прищурилась, силясь рассмотреть грязь близорукими глазами. Ну конечно, ее залила соседка сверху.

– Ну, погоди у меня, дрянь! – выругалась Зинаида Львовна, хватаясь за сердце и так тяжело дыша, будто она только что пробежала стометровку.

При мысли о том, что придется вновь встретиться с этой пигалицей сверху, подсказывало давление. Собака, обмочившая подъездные стены, заунывные песни соседа снизу, сквернословие четырнадцатилетнего Вовки и его дружков – все это не шло ни в какое сравнение с той войной, которая разворачивалась между Зинаидой Львовной и девицей, поселившейся над ней. Между ними давно копилась неприязнь, и в один из дней она выплеснулась в грандиозный скандал, при воспоминании о котором Зинаида Львовна тянулась за сердечными каплями. С тех пор эта белобрысая пигалица лет двадцати трех – редкостное страшилище с выпуклыми глазами-пуговицами и приплюснутым носом, похожая на пекинеса, – сделала жизнь Зинаиды Львовны невыносимой. Девице, похоже, доставляло садистское удовольствие доводить пожилую женщину до белого каления то стуком, то «по забывчивости» оставленным включенным на весь день магнитофоном с «закольцованной» песней из репертуара металлистов, то цоканьем каблучков о пол с утра пораньше. Никакими жалобами, никакой милицией «взять» эту стерву не представлялось возможным. Однажды Зинаида Львовна вызвала наряд милиции, но доказать, что девица производила шум, не удалось. Более того, Зинаида Львовна ясно услышала,

как девица напропалую кокетничает с молодым милиционером, который к ней поднялся, да еще посмела громко, так, чтобы донеслось до Зинаиды Львовны, пожаловаться на «эту маразматичку снизу, которая всех завалила жалобами». Как ни странно, молоденький милиционер поверил не Зинаиде Львовне, а бесстыжей пекинесше.

В общем, взаимным обидам не было числа. Вот и сейчас, увидев пятно, Зинаида Львовна в первую очередь подумала о соседке сверху. Правда, надо отдать должное, соседка не шумела последнюю неделю. Видимо, затаилась для того, чтобы нанести «новый удар».

– Я это так не оставлю! – громко выкрикнула женщина, воодружая на нос очки, чтобы лучше разглядеть пятно. – Я найду на тебя управу, дрянь! Ты мне капитальный ремонт в квартире оплатишь! Ты еще станешь слезно прощение просить. Ты...

Но придумать, что еще будет делать соседка, лишь бы замолить свою вину, Зинаида Львовна не успела, потому что наконец-то смогла рассмотреть «грязь».

– Господи Иисусе! – потрясенно вымолвила женщина.

И было чему удивиться. Большое пятно состояло из нескольких пятен поменьше, разной формы, соединенных так причудливо, что вместе они образовывали пусть и простое, но все же вполне узнаваемое изображение лица.

* * *

«Вот такое хреновое лето», – думал Илья Шахов, угрюмо глядя в окно. С тускло-серого, будто застиранного неба падал мокрый снег, оседавший на глянцево-мокрых ветках ноздреватыми шапками. А ведь еще вчера погода радовала не по-весеннему жарким солнцем и приятным теплым ветерком.

Но не ненастье являлось причиной похоронного настроения Ильи. Для него имелся целый ряд причин. Во-первых, вчера Илья поссорился со своей девушкой Леной. Ссора вышла из-за пустяка и, к сожалению, за последние две недели была уже третьей. Во-вторых, планируемый на выходные пикник на даче у друга из-за непогоды грозился накрыться медным тазом. Что за удовольствие делать шашлык, держа над мангалом зонт? В-третьих, позавчера сломался верой и правдой прослуживший в течение трех лет «Фольксваген», и ремонт его обещал влететь в копеечку. Ну и, в-четвертых, очерк, который Илья обещал отправить в редакцию газеты к завтрашнему дню, не писался. Абсолютно. Косвенно в этом была виновата Лена: Шахов думал о ней, а не о статье. В последнее время парня все чаще стало посещать ощущение, что в его жизни все ломается и рушится: начиная от отношений с девушкой, с которой они встречались два года, и заканчивая машиной. Даже очерк никак не выходил, ну прямо творческая импотенция, и все тут!

Илья перевел взгляд на девственно-чистый вордовский лист и вздохнул. Если дело пойдет, а вернее, не пойдет так дальше, закроют его колонку. Горевал Илья не столько из-за зарплата (рубрика, хоть и пользовалась популярностью, дохода почти не приносила), сколько из-за страха утратить то, что немного скрашивало его будни менеджера по продажам. Романтики и приключений Илье, бывшему в душе авантюристом, ой как не хватало.

Шахов не получил специального образования, в газету его привела случайность. В конце прошлого года он сломал ногу и вместо того, чтобы провести новогодние каникулы в Альпах, попал в больницу. Там, маясь от безделья, он просматривал принесенную соседку по палате прессу и вытащил из общей кучи газет газету-«толстушку» под названием «По лабиринтам Зазеркалья». Илья от скуки прочитал издание «от корки до корки», посмеиваясь над выдумками авторов, ибо ни в НЛЮ, ни в снежного человека, ни в барабашку он не верил. Но по прочтении подумал, что, пожалуй, смог бы сам написать какой-нибудь занятный рассказ. Благо, времени свободного у него было хоть отбавляй, выдумки – не занимать, а воспоминаний об экспедициях – предостаточно. В свое время Илья окончил географический факультет педаго-

гического университета, и специфика факультета подразумевала походы и экспедиции. Так что ему не составило труда написать очерк об экспедиции в Бурятию. В основе очерка лежали впечатления, полученные им в реальной экспедиции, вымышленной являлась лишь цель похода: встреча с шаманами. Очерк получился таким интересным, что Илье неожиданно предложили вести еженедельную рубрику, в которую он от имени исследователя паранормальных явлений должен был писать подобные очерки. И так как на тот момент Шахов изнывал в больнице от скуки, он согласился и сразу же взялся за дело. Неопытность на журналистском поприще Ильи компенсировал бойкостью пера (он всегда считался хорошим рассказчиком), объемом знаний, накопленных в студенческих экспедициях, и воображением, которое подстегивала живущая в нем жажда приключений. Вот так и вышло, что Илья стал вести газетную рубрику под псевдонимом Иван Шапкин, член вымышленной группы исследователей паранормальных явлений. Шахов собирал нужную информацию в Интернете, достоверно описывал походные ощущения и умело нагнетал обстановку, сдабривая рассказ красочными, порой доводящими до дрожи описаниями.

Мнимая группа исследователей то отправлялась на поиски снежного человека, то изучала аномальную зону в подмосковном лесу, то выезжала в коттеджный поселок по просьбе одного из жителей, чтобы выяснить причину появления полтергейста.

Колонка пользовалась успехом. Вымышленному «охотнику за привидениями» Ивану Шапкину писали читатели, рассказывали о произошедших с ними случаях и порой спрашивали совета, поэтому пришлось открыть специальную рубрику «Ваши письма», в которой Илья отвечал на наиболее интересные вопросы.

Поэтому один-два раза в неделю Илья Шахов, менеджер по продажам в крупной страховой компании, превращался в исследователя Ивана Шапкина.

Илья встал из-за стола и достал с книжной полки запылившийся фотоальбом в надежде, что студенческие фотографии помогут ему создать нужное для работы настроение. Но, рассматривая старые снимки, еще больше загрустил. Скучна, скучна была его повседневная жизнь... В работе Шахов преуспел: его должность приносила хороший доход, но этим все и заканчивалось. В экспедициях он больше не участвовал, потакая желаниям своей девушки, которая совершенно не понимала прелести дикого отдыха на природе. Теперь они ездили в путешествия по чистой и чопорной Европе. При выборе поездок Лена была категорична: либо Европа, либо море – и точка. Илья таскался с ней по душным музеям вместе с другими туристами, чувствуя себя бараном в стаде, либо валялся под палящими лучами солнца, изнывая от жары и безделья. А душа тосковала. Ныла, будто старая рана при перемене погоды. Как же здорово было в студенческие времена! И особенная походная атмосфера, и ночные посиделки возле костра с гитарой, и дешевый портвейн, которым по юности он не брезговал. На факультете было множество симпатичных девчонок, и среди студентов частенько вспыхивали, подобно искрам, короткие, но обжигающие страстью романы.

Сейчас Илья чувствовал себя птицей в клетке, у которой есть все: и самые лучшие зерна, и свежая вода, и сочная зелень, и чистый домик, а она все равно с тоской мечтает о воле, о том, чтобы расправить крылья и захлебнуться эйфорией полета. Ему бы в настоящую экспедицию, как в студенческие годы! Чтобы была, как раньше, легкая боль в мышцах, вызванная долгими переходами, пропахшая дымом костра каша, легкое опьянение, вызванное чистым воздухом и приторным портвейном, жар от костра, анекдоты, за рассказыванием которых коротали вечера, раскаленные поцелуи под гитарный перебор, дробь дождя по крыше палатки, сонное дыхание «походной подружки», прикорнувшей у него на плече...

Ностальгические размышления прервал звонок мобильного. Илья нехотя оторвался от фотоальбома (на глаза ему как раз попала фотография его студенческой любви – Вари Холо-

довой), покосился на экран телефона и, увидев высветившееся слово «Бобер», ответил на вызов.

– Хай! – в своей манере поздоровался Илья со школьным другом.

– Шахов, а я к тебе по делу, – не размениваясь на приветствия, объявил тот.

Денис Бобров, жизнь которого была выстроена по двум пословицам «делу – время, потехе час», и «время – деньги», не любил тратить слова понапрасну, звонил в основном по делу и сразу же переходил к нему.

«Да я другого и не ожидал», – подумал Илья, вздыхая по тем временам, когда Бобров был не крутым бизнесменом, а простым парнем, с которым можно было под пиво поболтать о всякой ерунде. Теперь круг интересов Дениса включал в себя бизнес, курсы валют, ставки, кредиты и прочее, вызывавшее у Ильи головную боль.

– Валяй, что там у тебя случилось? – снисходительно разрешил Шахов.

– Ты не мог бы съездить со мной к моей матери? – неожиданно спросил Бобров.

– И что на этот раз? – кисло выдавил Илья, даже не интересуясь, зачем он понадобился Зинаиде Львовне.

Мать Дениса была горазда придумывать проблемы, и чем больше слушателей и зрителей собиралось, чтобы принять участие в их разрешении, тем для нее лучше. Зинаида Львовна очень любила, как это называл Денис, «играть на публику».

– Да ерунда! Но ты же знаешь мою мать: из любой мухи может раздуть не то что слона – динозавра! На этот раз закатила истерику по поводу неотмывающегося пятна на стене кухни.

– А я тут при чем? – обескураженно спросил Илья.

Неужели Зинаида Львовна под таким дурацким предлогом решила устроить в квартире генеральную уборку или, не дай бог, ремонт и вызывает на помощь сына и его друга? Тогда дело табак...

– По поводу неотмываемых пятен – не ко мне, а в сервис «Чистота», – быстро добавил он. – Я не по этой части.

– Знаю, знаю, ты у нас по другой части, – недобро усмехнулся Бобров. – По чертовщине, полтергейстам, летающим тарелкам и зеленым человечкам. Мамаша моя пятно происками дьявола посчитала, поэтому и вызывает тебя.

– Ну, знаешь ли... – оскорбился Илья.

Денис, уловив в его голосе обиженные нотки, рассмеялся:

– Ладно, ладно. Давай съездим и на месте определимся с чертовщиной. Моя мамаша напугана до истерики. Впрочем, ее, фанатку хирургической стерильности, доведет до обморока любое мало-мальское пятнышко. А то пятно, что появилось на стене ее кухни, не выводится никакими средствами. В общем, спускайся, я уже подъезжаю.

И не успел Илья возмутиться тому, что Бобров за него решил, ехать ему или нет, как Денис уже отключил телефон, тем самым не оставив другу пути к отступлению.

Сейчас казалось странным то, что когда-то все было наоборот и главным в их паре был вовсе не Бобров, а Шахов.

Знакомы они были с первого класса. Дружба началась банально: учительница посадила мальчиков за одну парту, посчитав, что уравновешенный и тихий Денис Бобров окажет положительное влияние на непоседливого и шумного Илью Шахова. Затея ее удалась далеко не сразу. Поначалу Илья пытался разговаривать с Денисом, но, постоянно натываясь на стену упрямого молчания, сдался. Это уже позже Шахов понял, что Денис не желал с ним разговаривать во время уроков не оттого, что испытывал неприязнь, а потому, что боялся прослушать объяснения учительницы. А тогда Илья посчитал соседа по парте занудным «ботаником», с которым и поговорить-то не о чем, кроме как о домашних заданиях. Дружба между мальчиками завязалась зимой, когда Илья простудился и несколько дней не ходил на занятия. Денис Бобров

единственный из класса навещал его, приносил тетрадки с заданиями, рассказывал школьные новости. Илья, заскучавший в домашнем заточении, был рад любому общению. Тут и выяснилось, что Бобров, молчаливый и суровый в школе, в другой обстановке оказался не таким уж буквой, по крайней мере мальчикам нашлось о чем поговорить.

Дружили они на протяжении всех школьных лет, хоть иногда их интересы не совпадали. Бобров был довольно замкнутым: компании не любил, на дискотеки не ходил, с девушками не встречался. Для барышень подросткового возраста критерием привлекательности парней в первую очередь служит внешность и популярность. Назвать Дениса симпатичным никто не мог. До поступления в институт он был довольно упитанным и рыхлым парнем. Лицо его тоже привлекательностью не отличалось: небольшие, болотного цвета глаза, светлые, почти незаметные брови, крупный нос-картошка и губы-вареники.

Илья казался полной противоположностью Боброву не только по характеру, но и внешне. Он был высоким, худощавым, ловким и гибким. Даже его вечно взъерошенные темные волосы лежали с такой естественной небрежностью, будто были растрепаны легким ветром. Улыбался Шахов так, что поражал понравившуюся девчонку прямо в сердце. А если при этом еще смотрел на избранницу с прищуром – так, как умел только он, то девичье сердце было бесповоротно погублено. Успеху Ильи способствовали и хорошо подвешенный язык, и отточенное чувство юмора, и память, хранившая неиссякаемый запас анекдотов и рассказов. Так что он всегда был в центре внимания девушек.

Позже, когда на экраны вышел один из американских блокбастеров, Илье не раз говорили, что он похож на американского актера, сыгравшего в фильме главную роль. Имя актера Илья не потрудился запомнить, но мысленно признал, что да, некоторое сходство есть.

Но хотя Илья и Денис и были очень разными, дружба их продолжалась и по сей день. Правда, сейчас, когда у каждого оказались свои дела и интересы, видятся они стали намного реже. Денис, с головой ушедший в изучение экономики, учредил собственную компанию и занялся бизнесом. Илья же поступил в педагогический на географический факультет, после окончания которого отработал один год в школе, а затем устроился в мелкую страховую компанию, набрался опыта в новой для себя сфере. Вскоре он перешел в крупную компанию, где неплохо преуспел.

Иногда друзья виделись, но все больше перезванивались. Оба переехали из подмосковного поселка в Москву, но жили далеко друг от друга. Бобров недавно женился, а Илья все еще пребывал в холостом статусе, несмотря на то что отношения с Леной длились уже два года.

...Уже выйдя из квартиры, Илья подумал, что надо бы прихватить фотоаппарат. Всерьез истерику Зинаиды Львовны по поводу «дьявольского пятна» он не принял, но привычка носить с собой камеру появилась у него еще во времена студенчества. Илья вернулся, сунул в карман старую «мыльницу» и, глянув в сторону отключенного ноутбука, подумал, что поездка может оказаться полезной. Глядишь, и придумается какой-нибудь сюжет. Впрочем, визит к Зинаиде Львовне вряд ли можно расценивать как развлекательный. Илья вздохнул и стал спускаться по лестнице во двор, где его уже наверняка поджидал «БМВ» Боброва – такой же солидный, как и его владелец.

Черный «БМВ» и вправду был припаркован во дворе. Когда Илья показался на крыльце, друг гостеприимно распахнул переднюю дверь:

– Карета подана.

– Ну, что за пожар у вас приключился? – небрежно поинтересовался Шахов, усаживаясь на удобное кожаное сиденье рядом с другом. – Что за «чертовщина» и почему Зинаиде Львовне понадобилась моя помощь?

– Говорю же, ерунда, – пробормотал Бобров, в его голосе проскользнули извиняющиеся нотки. – Но эта ерунда чуть не отправила мою мать в больницу с инфарктом.

Илья подумал, что заявлять, будто у нее вот-вот случится инфаркт, – в характере матери Дениса, но тактично промолчал. Зинаида Львовна никак не могла смириться с тем, что ее сыну уже не пять лет, а тридцать, и он уже давно стал самостоятельным мужчиной, который совершенно не нуждается в опеке.

– Пару дней назад мать обнаружила на кухонной стене темное пятно, – начал Денис, вырываясь с узкой дороги на широкую, ведущую к шоссе, – и первым делом подумала, что ее залила соседка сверху.

– Логично, – кивнул Илья, глядя перед собой в лобовое стекло. Путь предстоял долгий: вначале нужно было добраться с одного конца Москвы на другой, потом съехать на шоссе, по которому при хорошей, без пробок, дороге еще минут тридцать – тридцать пять ехать до поселка, в котором проживала Зинаида Львовна.

– Мать уже собралась идти к соседке ругаться. Но, присмотревшись, заметила, что пятно это не такое простое, как ей показалось на первый взгляд. Во-первых, оно было сухим на ощупь, не похоже, что причиной его возникновения послужила влага. Оно казалось нарисованным тенями. Во-вторых, пятно представляло собой скопление мелких пятен, расположенных таким образом, что получилось изображение лица. Ну, представляешь: пара мелких круглых пятен – глаза, вытянутое – нос, поперечное – рот. Что-то в этом духе.

– Ага, – кивнул Илья без особого энтузиазма. Ну, подумаешь, пятно. А лицо где угодно углядеть можно. Как там пелось в детской песенке? «Точка, точка, запятая – вышла рожица кривая...» Зинаида Львовна – мастерица создавать панику на пустом месте.

«БМВ» тем временем уже несся по шоссе. Бобров вел машину так же, как привык делать все – степенно, ровно, с уважением, но уверенно и немного властно, давая понять, что хозяин – он. И машина слушалась его, шла плавно, легко, будто плыла.

Манера вождения Ильи была прямо противоположной. Машина для него являлась скорее товарищем по проделкам. Вместе обгоняли, вместе подрезали, стремительно срывались с места, резко тормозили, пару раз чуть не вляпались в серьезные аварии, но чудом вывернулись.

«Я бы тебе свою «бээмвуху» не доверил, – заметил Бобров, когда Илья однажды подвозил его на своем «Фольксвагене». – Хоть ты, Шахов, мне друг».

– Дело даже не столько в форме пятна, – продолжил Денис, глядя перед собой на дорогу, – сколько в том, что оно какое-то... несмыслимое. Ты ведь знаешь мою мать. Перед ее одержимостью чистотой пасуют все микробы и бактерии, как вредные, так и полезные. Не было еще такого, чтобы она не сумела отмыть-оттереть-вывести какое-либо пятно.

– Еще по детству помню, – усмехнулся Илья. – Куда мы с тобой только ни влезали, как только ни пачкались. Сколько я одежды перепортил-испачкал до такой степени, что маме оставалось ее лишь выбросить! Ну и ты такой же черт был. Вместе и по стройкам шастали, и в гараже соседу дяде Пете помогали его драндулет чинить. Строительная смола, краска, машинное масло, еще какая-то неотмываемая фигня – все это было на нашей одежде. И если моя мама в итоге сдавалась, то твоя непостижимым образом выводила все пятна без следа.

– Вот и я о чем! Понимаешь, да? Моя мать и это пятно со стены оттерла. Качественно оттерла. Только через день оно вновь проявилось, и еще ярче, чем прежде. На том же месте.

Илья обескураженно покосился на друга, но не потому, что его удивил рассказ, а оттого, что в голосе Дениса прозвучали нотки тревоги и даже страха.

– Бобров, ты чего, испугался? – спросил Илья, не сдерживая улыбку.

Припомнились эпизоды из детства. Денис всегда отличался осторожностью. Прежде чем совершить что-то, он пять раз обдумывал, прикидывал, примерялся. Тогда как Илья бросался в авантюры и совершал проделки «с лету» – отчаянно и задорно. «Бобров, ты чего, испугался?» – так говорил Шахов всегда, когда пытался подбить рассудительного друга на какую-нибудь проказу. Но надо сказать, что даже такие провокации не проходили. Трусом Денис Бобров не был, но отличался излишней, по мнению Ильи, осторожностью.

– Да при чем тут «испугался»? – Бобров как будто разозлился, и Илья бросил на него второй недоуменный взгляд. Злиться тоже было не в характере друга. Невероятно, чтобы плевое происшествие так на него повлияло! Скорее всего, Зинаида Львовна так достала своего сына, что он уже еле сдерживался. Единственным человеком, который мог вывести из себя уравновешенного и непробиваемого Боброва, была его мать.

– Это матушка так напугалась, что довела до истерики и себя, и меня, – мрачно подтвердил догадку друга Денис.

– Было бы чего пугаться, пятна какого-то... – пробормотал Илья, мысленно сочувствуя другу. – Взял бы ты, Бобров, и закрасил его, раз оно не отмывается. А то – «чертовщина, чертовщина»! Средние века прямо. И с чего Зинаида Львовна решила, что я подхожу на роль «изгнанника дьявола»?

– Она читает твою газету. Помнишь, Илюх, ты как-то притащил мне один номер, чтобы показать? А я забыл его у матери. Та прочитала газету от корки до корки и нашла ее интересной. А после того как я имел неосторожность проговориться, что Иван Шапкин – это ты, она стала регулярно покупать новый номер.

– Понятно, – вздохнул Илья. Зинаиде Львовне просто-напросто захотелось стать героиней его рубрики. – Начиталась историй про «чертовщину», вот и видит в каждом пятнышке происки дьявола. Ладно, поглядим. Забелим это пятно, если оно не отмывается, и успокоим твою мамашу.

– Сделай милость, – с чувством выдохнул Бобров.

И стало понятно, что Шахова он позвал именно, чтобы успокоить мать, а не для того, чтобы заниматься «изгнанием дьявола».

Клавдия

Ну что за имя такое – Клавдия?! Насмешка, а не имя. Мать еще смеет заявлять, будто это имя «оригинальное». Дура! Старшую дочь вон назвала просто – Татьяной. А с младшей решила выпендриться. Клава Ромашкина – хуже не придумаешь!

Клавдия ненавидела собственное имя всю со-знательную жизнь. Когда пришла пора получать паспорт, она задумала поменять его, да только мать закатила такой скандал, что дочь не посмела послушаться. А зря. Сколько раз потом об этом жалела! В школе ее дразнили и пренебрежительно звали Клавкой. В техникуме и того хуже: общеизвестный на курсе остряк Пашка как-то съехидничал: «Клава, Клава из автоклава». И все, приклеилось к ней это обидное прозвище. Клавдии Пашка нравился, поэтому его шутка показалась ей обидной вдвойне. Это была одна из причин, почему она оставила техникум, не проучившись и года. Разумеется, имелась и официальная версия – «по болезни».

Какая там болезнь! Все это выдумка ее родственничков да этих придурков, называющих себя врачами. Убийцы, а не врачи! Людей в белых халатах Клавдия ненавидела, пожалуй, даже больше, чем свое имя. А кто же они после того, как совершенно здорового человека объявили больным и заперли на некоторое время в лечебнице, пичкали таблетками и кололи какую-то отупляющую гадость. Когда Клавдию выписали «под честное слово», то на прощанье снабдили горой рецептов и «дружеским» напутствием не забывать принимать «таблеточки». А родственникам, предварительно состроив сочувственные и «все-все понимающие» мины, дали строгие указания «держат под контролем» и регулярно приводить пациентку на обследование. Клавдия все это знает: видела, слышала, поняла. Не тупая.

– Клава, давай я все же эту ночь с тобой побуду?

Татьяна искоса взглянула ей в глаза, получилось, будто смотрит она по-собачьи заискивающе. И от такого взгляда и нарочитой дружелюбности в голосе стало только хуже.

– Отстань! Я в порядке! Не надо меня контролировать!

– Тише, тише, – зашикала Татьяна и коснулась ее руки.

Клавдия руку отдернула и глянула на сестру волчонком.

– Я в порядке! – с нажимом проговорила она.

– Ладно, ладно, – поспешно отступила сестра. Видимо, вспоминала рекомендации врача «не давить, не принуждать». Бо-о-о-о-же ты мой! – Я уеду. Только не забывай, пожалуйста, принимать таблеточки...

– Пошли вы все со своими таблеточками! В гробу я их видела!

– Клава...

– Ненавижу это имя! – взвизгнула она так, что таксист, до этого упорно делавший вид, будто разговор пассажиров ему неинтересен, быстро оглянулся.

– Чего вам?! – тут же отреагировала Клавдия. – Ваша обязанность – на дорогу глядеть и баранку вертеть!

– Клавдия, – попыталась урезонить ее сестра. – Тише ты! Успокойся.

– Я спокойна! Спокойна, как танк. Чего еще? Нужны доказательства?

От сестры удалось отвязаться. На ее вопрос, не помочь ли донести вещи до подъезда, Клавдия демонстративно схватила тяжелую сумку, сама вытащила ее из салона такси и поперла к подъезду. Татьяна, глядя вслед, лишь сокрушенно покачала головой.

Клавдия вошла в подъезд, нажала кнопку лифта и, ожидая, когда спустится кабина, принялась рассматривать стены.

Ничего не изменилось. Все так же. Отсутствовала Клавдия всего десять дней, но ей казалось, будто прошел целый год. Чувства от возвращения она тоже испытывала странные. С

одной стороны, жаждала поскорей вернуться домой, с другой – боялась. В больнице ей было спокойней, хотя она всей душой ненавидела это место, куда загремела уже во второй раз. Там ее ничто не пугало... Но теперь... А вдруг теперь все будет по-другому?..

Лифт гостеприимно распахнул двери, Клавдия вошла в кабину и привалилась спиной к стенке. Нет, все же дома лучше. Без сомнений, лучше.

Она вышла на своем седьмом этаже, подошла к знакомой, обитой старым дерматином двери, вытащила ключ. Снизу, с шестого, донесся знакомый голос. «А-а, старая клюшка, чтоб тебя», – подумала Клавдия в адрес своей соседки Зинаиды Львовны. Но подумала как-то беззлобно. Будто была рада слышать этот возмущенный визг, который лишь доказывал, что она дома.

Клавдия шагнула в квартиру, вдохнула воздух, наполненный успокаивающими домашними запахами. Бросила дорожную сумку прямо в коридоре, переобулась в мягкие тапочки. Прошла на кухню, подняла крышку заварочного чайника, брезгливо сморщилась, увидев, что забытая заварка за эти десять дней успела заплесневеть. Так же брезгливо морщась, вылила жидкость в раковину, вытряхнула в ведро чайные листья, тщательно вымыла заварочный чайник.

Вначале она выпьет чаю – ароматного, крепкого, а не той бурды, которой ее под видом чая поили десять дней. Потом примет ванну с пеной, чтобы смыть с себя чужие запахи. Завернется в любимый махровый халат до пят и весь вечер проведет перед телевизором. Может быть, поставит диск с каким-нибудь легким фильмом, да так и уснет на диване, не дождавшись титров.

Клавдия наполнила водой электрический чайник, поставила его на подставку, клацнула клавишей и отправилась в ванную умываться.

Но когда она мельком глянула в зеркало, вновь увидела *это*...

– У-у-йди-иии! – заорала Клавдия.

Она схватила с полки первый подвернувшийся флакон и с силой запустила им в стекло. Звон разлетающегося на осколки зеркала заглушил ее истеричный крик, сопровождаемый грохотом швыряемых о пол предметов:

– Вот тебе, вот тебе, проклятая!

Снизу возмущенно заголосила соседка, чуть позже в дверь требовательно зазвонили. Зинаида Львовна срывающимся на визг голосом угрожала милицией. Но Клавдия не обращала внимания ни на звонок, ни на выступления соседки, ни на сочащуюся по запястью из порезанной осколком ладони струйку крови. Она сидела на полу прямо среди осколков и пластиковых бутылей с шампунями, бальзамами и лосьонами и, уткнувшись лицом в колени, плакала.

* * *

Зинаида Львовна и в самом деле пребывала в состоянии нервного возбуждения. Едва Илья переступил порог, как женщина бросилась ему навстречу с причитаниями:

– Приехал, голубчик! А я уж не знаю, что и делать! На тебя вся надежда! Денис вон не воспринимает дело всерьез. Но ты уж, Илюша, посмотри, как специалист, и скажи, откуда это проклятое пятно взялось и как его убрать?

Ну вот, приехали... «Специалист». Илья за спиной показал другу кулак, но Бобров лишь издевательски усмехнулся. Пришлось снять в коридоре ботинки, пристроить куртку на старомодную вешалку в виде доски с крючками и отправиться следом за Зинаидой Львовной на кухню.

В стерильной чистоте квартиры матери своего друга Илья Шахов чувствовал себя неуютно, боялся насорить, натоптать, что-то разбить или разлить. Денис, помнится, тоже как-то признался, что испытывает подобные ощущения. И, видимо, чистота так осточертела ему,

что теперь в большой и светлой квартире Боброва царил хаос, несмотря на усилия специально нанятой для проведения уборки женщины, появлявшейся дважды в неделю. Жена Дениса Ирина была начинающим модельером и, как и многие творческие люди, представляла себе порядок своеобразно. На ее рабочем столе громоздились завалы из бумаг, ручек, карандашей, образцов тканей и модных журналов. Журналы и эскизы были разбросаны и по всей квартире. Денис как-то со смехом рассказал Илье, что однажды нашел модный журнал в холодильнике. Понятно, что невестка, не отличающаяся любовью к порядку, Зинаиде Львовне пришлось не по душе. Хватило лишь одного визита к сыну, чтобы сделать о его жене свои выводы.

Но пусть жилище Дениса частенько напоминало пострадавший от урагана газетно-журнальный киоск, все же в нем было гораздо уютней, чем в содержащейся в образцовом порядке квартире Зинаиды Львовны. Все дело, наверное, в атмосфере: в квартире Дениса она была живой, тогда как в квартире Зинаиды Львовны – казенной. От этого ощущения не спасали даже занавески в цветочек, вывязанные крючком салфетки, хрустальные вазочки и тому прочие милые вещички, призванные создавать уют. Впрочем, о каком уюте можно говорить в стерильной операционной? А Ильа, да и Денис чувствовали себя в квартире Зинаиды Львовны, будто в операционной.

Всякий раз, когда Ильа заходил к Зинаиде Львовне, ему хотелось расставить руки в стороны, чтобы «отодвинуть» стены. Кухни в старых девятиэтажках с крохотными квартирами-сота́ми были совсем микроскопическими. Детство Ильи тоже прошло в подобной квартире. И хотя дом, в котором он тогда жил, гордо назывался строением улучшенной планировки и был новее девятиэтажки, в которой до сих пор обитала Зинаида Львовна, размеры кухонь ненамного отличались.

До школы Ильа с родителями, дедом и бабушкой проживал в сталинском доме почти в центре Москвы. Но позже элитную квартиру разменяли на две – «однушку» в Москве и трехкомнатную в новостройке в Подмоскowie. Решение приняли родители мамы, чтобы дать дочери и ее семье возможность жить самостоятельно. Так и вышло, что Ильа оказался соседом Дениса.

Шесть лет назад не стало бабушки, которая пережила деда ровно на десять лет, и Ильа вернулся в Москву, в освободившуюся «однушку», а его родители до сих пор проживали в подмосковном поселке.

– Вот, Илюша, эта оказия, – со слезами в голосе перебила его размышления Зинаида Львовна и торжественно указала пухлой рукой в угол над окном.

Шахов посмотрел туда, куда показывала женщина, и прищурился. На стене под потолком и впрямь темнело пятно размером с ладонь. Вначале Ильа ничего странного в нем не увидел, но, присмотревшись, согласился с тем, что оно и впрямь напоминает очень простое, грубое изображение лица. Будто художник, стиль которого – сумасшедшая экстравагантность, создал этот лик с помощью причудливой игры тени и света. Всего несколько небрежных мазков, но можно различить и глаза, и отпечатавшийся лишь в виде двух ноздрей нос, и округлившийся в безмолвном крике рот. «Подбородок» оказался срезан пограничной линией между побелкой и краской. Но, несмотря на всю простоту изображения, было ясно, что «лицо» это – женское и выражение, застывшее на нем, – ужас.

– Ну, что ты об этом думаешь? – нарушил затянувшееся молчание Денис.

– Эдвард Мунк, – невольно вырвалось у Ильи.

– Чего? – недоуменно переспросил друг.

– Эдвард Мунк, говорю. Картину «Крик» знаешь? Нет? Ну да ладно, неважно. Мне бы это пятнышко поближе рассмотреть. Стремяночки не найдется?

Бобров с готовностью сходил за лестницей, Ильа взобрался на нее и, опять прищурившись, принялся рассматривать странное изображение.

– Потолок и стену давно белили? – спросил он, трогая пальцами «лик». Первое предположение, что пятно причудливой формы – всего лишь плесень, развеялось, стоило Илье коснуться пятна. Его поверхность была сухой и ничем не отличалась от других участков стены.

– Прошлым летом, – с готовностью ответила Зинаида Львовна. – Думаешь, Илюша, причина в побелке?

В голосе женщины звучало столько уважения, надежды, что Илья с недоумением оглянулся на нее. Неужели она и впрямь полагает, что он – специалист по аномальным явлениям? Велика сила печатного слова! Видимо, его выдуманные истории и впрямь написаны так хорошо, что принимаются читателями как достоверные.

– Возможно, – уклончиво ответил Шахов. – По правде говоря, Зинаида Львовна, я не думаю, что это пятно – происки темных сил. Причины его появления могут быть какими угодно – от плесени до реакции на свет, температуру, влажность. Это просто пятно – и все.

– Да, но какое страшное! – воскликнула Зинаида Львовна с таким разочарованием, будто обиделась за пятно, названное простым.

– Ну, форма у него действительно причудливая, но это еще ничего не значит.

– А как быть с тем, что оно появилось во второй раз?

– Может, вы его просто плохо отмыли? – неосторожно предположил Илья и прикусил язык, потому что Зинаида Львовна, мгновенно наливаясь свекольным румянцем, взревела:

– Это я-то плохо отмыла?!

– Нет, нет, я не это хотел сказать. Зинаида Львовна, вам нет равных в наведении чистоты и отмывании пятен, но, возможно...

– Невозможно! – категорично перебила женщина. – Повторяю еще раз: я полностью смыла эту... грязь.

– Верю, верю, – поспешно пробормотал Илья, спускаясь со стремянки. – Но сейчас мы это пятно... ммм, снова отмоем. В качестве эксперимента. А потом забелим. У вас есть, чем его забелить?

– Да, – с достоинством ответила Зинаида Львовна и добавила: – Я собственноручно разведу свежую побелку.

Час спустя друзья покинули квартиру Зинаиды Львовны. Часть стены, на которой проявилось пятно, была отмыта и вновь побелена. Мыл Денис, а белил Илья. Все работы проводились под строгим присмотром Зинаиды Львовны. По требованию матери Денис трижды спускался и поднимался на стремянку, потому что та то и дело углядывала «вон то маленькое пятнышко». Илье повезло немного больше: белить его заставили всего лишь два раза. От чая, любезно предложенного после «эxecуции», друзья отказались, чем спровоцировали Зинаиду Львовну на долгие причитания.

– Тяжелый человек – твоя мать, – не сдержался Илья, усаживаясь в машину Боброва. – Чувствую себя так, будто побывал на ковре у начальника нашего департамента. Даже хуже.

Денис не ответил, только хмыкнул и вытащил из бардачка пачку сигарет. Курил он редко, только в особых случаях, когда нервы сдавали, а приходилось сдерживаться. Прощание с Зинаидой Львовной было смазано маленьким, но оставившим неприятный осадок «представлением»: когда Денис имел неосторожность обмолвиться, что торопится, потому что дома его ждет жена, Зинаида Львовна поджала тонкие губы, сложила «домиком» брови и гордо вскинула подбородок.

– Я думала, что мать тебе дороже, – едко выдала она. – Я такого страха натерпелась с этим пятном! Мог бы и остаться на ночь! Вдруг ночью у меня заболит сердце? Кто вызовет «Скорую»?

Все время, пока друзья обувались, Зинаида Львовна громко стенала по поводу пережитого ужаса, сыновней невнимательности и страха, что пятно проявится снова.

– Не проявится, – теряя терпение, с досадой ответил Денис.

– Мы его хорошо отмыли и забелили, – поддержал друга Илья. – Да и вообще, Зинаида Львовна, это пятнышко – ерунда полная, я ведь вам уже объяснил.

– Да? – хитро прищурилась женщина. – Тогда зачем ты его сфотографировал, прежде чем смыть?..

– Илюх, а действительно, на кой тебе сдались снимки этой настенной «живописи»? – повторил вопрос матери Денис, вырывая на шоссе.

– Да глупость в голову пришла, – с неохотой ответил Илья. – Мне завтра очерк отправлять, а в голове – ни одной идеи. Подумалось вот, что на основе истории с пятном можно было бы что-то выдумать да фотографии приложить. Уж больно пятнышко забавным показалось. Если все правильно преподнести, статейка получится занимательной. Ты, главное, потом матери газету не показывай, лады?

– Да она сама покупает каждый выпуск! – напомнил Денис. – Из-за твоей, между прочим, колонки.

– О черт! Вылетело из головы, – суксился Илья. – Ну и что мне теперь делать? Вот же блин горелый! Если Зинаида Львовна вычитает ахиною, которую я раздую из ее истории, она и меня, и тебя со свету сживет. Придется оставить эту затею. А жаль, темка классная! Мне уже кое-что придумалось...

– Илюх, а как ты считаешь, откуда оно вообще взялось, это пятно? – перебил причитания друга Денис.

– А кто его знает! Как я уже объяснил твоей мамаше, причиной могло послужить что угодно: и плесень, и реакция на перепады температуры, на сырость, на свет, на пар от приготовляемой пищи. Да мало ли на что! А может, его твоя мать нарисовала.

От такого заявления Денис поперхнулся дымом, закашлялся и чуть не въехал в зад остановившейся перед ним на светофоре машины.

– Осторожней, черт! – выругался Илья.

– Это ты поосторожней с такими заявлениями. Я все понимаю – характер у моей мамани не сахар. Но чтобы она додумалась до такого... С чего ты это вообще взял?

– Просто предположил. Заметил, как она переменилась в лице, когда ты на ее просьбу остаться ответил, что тебя дома жена ждет. Не секрет, что Зинаида Львовна недолюбливает твою Ирину. Сам мне как-то жаловался, что мать пытается вас развести. А для чего все это? Для того, чтобы ты вернулся обратно к ней под крылышко.

– Да никогда! – вырвалось у Дениса. – Я с восемнадцати лет отдельно живу.

– Знаю, знаю! Это ваше старое противостояние: ты всячески добиваешься самостоятельности, а Зинаида Львовна всеми способами пытается вернуть себе утраченную власть над тобой. Я не утверждаю, будто эту рожу на кухне намалевала она, но все может быть. Под предлогом, что ей страшно, мать пыталась оставить тебя на ночь. Ты отказался. Но Зинаида Львовна, хоть и проиграла этот раунд, еще надеется выиграть бой. И для этого придумает что-нибудь новое, позаквыристей живописи на стене. Попомни мои слова.

– Да ну тебя, – рассердился Денис и, вопреки привычке, закурил вторую сигарету. Рассердился он не столько из-за обвинений в адрес его матери, сколько из-за того, что друг был не так уж далек от истины.

– Ладно, не злись, Бобер. Давай, раз мы с тобой встретились, завернем в какое-нибудь место, выпьем по чашке кофе, а потом уж и по домам. Встречаемся раз в год. Не знаю, когда свидимся в следующий раз.

– Что-то ты уж совсем пессимистично, – криво усмехнулся Денис. – Чувствую, что благодаря моей маменьке мы с тобой встретимся в самом ближайшем будущем. Пожалуй, ты прав, следует ожидать от нее нового хода конем. А в кафе давай завернем. Только позвоню Ирине, скажу, что приеду позже.

Зинаида Львовна

После ухода сына и его друга Зинаида Львовна прошла на кухню, налила себе чашку травяного чая и села за стол напротив той стены, на которой еще час назад красовалось пятно, а теперь влажно темнела свежая побелка.

Она не знала, что ей делать. Ей хотелось плакать от бессилия и обиды на сына. Ну, как получилось, что он вырос черствым и бесчувственным, способным бросить мать в плачевном состоянии и отправиться к своей просвистушке? А ведь Зинаида Львовна в него всю душу вложила, всю!

Растила Зинаида Львовна Дениса одна: муж, Евгений Валентинович, буквально сгорел от быстротечного рака, когда сыну едва исполнилось три года. Замуж Зинаида Львовна больше так и не вышла, решила полностью посвятить себя сыну. Денис был поздним и долгожданным ребенком, и Зинаида Львовна его баловала, опекала, окутывала заботой, но выходило это у нее так гротескно, с излишеством, что позже привело к тому, что Денис, повзрослев, потребовал независимости в довольно резкой форме. Чем разбил сердце матери. А ведь она всего лишь стремилась к тому, чтобы сыну было хорошо! Правда, сама решала, что ему будет во благо, а что – во вред. Денис просил разрешения задержаться после уроков, потому что с мальчишками хотели поиграть в футбол? Нет-нет, вначале – обед: густой наваристый суп, сочные и ароматные котлеты с пюре, чай с пирожками. А после такого сытного обеда какой футбол? Положен как минимум час отдыха. Ну а потом уже можно и в футбол... Только если одеться потеплей, потому что на улице такой холод! И не бегать слишком много, потому что можно вспотеть и простыть на ветру. А не лучше ли выйти на прогулку вместе? Ну его, этот футбол с озорниками! И Зинаида Львовна лично выводила сына гулять – сытого, отдохнувшего, тепло одетого. И невдомек ей было, что Денис всей душой ненавидел эти чинные прогулки по городскому парку в компании матери и ее двух подруг с дочерьми. Он молча шел между оживленно болтающими женщинами, хмуро наблюдал, как носятся по парку две девчонки – бойкие, не по-девичьи задиристые, но не желал присоединиться к их играм. В надетых друг на друга двух шерстяных свитерах и шарфе ему было жарко, он потел, к влажному телу противно липла майка, а от «кусачего» шарфа раздражалась кожа на шее. В такие моменты Денис мечтал только о том, чтобы скинуть и это «девчачье» пальто в «елочку» – предмет насмешек одноклассников, а заодно и шарф с шапкой. А там, сбегав из общества матери и ее подруг, отправиться на школьный стадион, где его одноклассники гоняли мяч.

Зинаида Львовна и не предполагала, что ее маленький сын, о котором она так пеклась и заботилась, был чем-то недоволен. Он ведь не выражал вслух своих протестов, был послушным мальчиком, который хорошо учится и имеет отличную оценку по поведению. Ребенок сыт, тепло одет, окружен заботой – чего еще надо? Золотой ребенок! Румяный, упитанный, спокойный, не требовательный и не капризный.

Ей было невдомек, что в душе сына уже давно зреет протест, который позже выльется для нее в катастрофу вселенского масштаба.

Первый раз Денис плюнул матери в душу, когда в восемнадцать лет заявил, что собирается поступать совсем не в тот вуз, в котором уже было выхлопотано для него место (благодаря стараниям Зинаиды Львовны и старого друга отца, полковника и преподавателя на военной кафедре в медицинской академии), а в экономический.

– Не поступишь! – категорично заявила тогда мать сыну, зная, что хоть Денис и учился неплохо, но с математикой имел проблемы. А какой экономист без блестящих математических знаний?

Денис разозлился, сам нашел себе репетитора и в вуз поступил. Причем математику сдал на твердую пятерку. Следующим неприятным «сюрпризом», который он преподнес своей

любящей матери, стало заявление о том, что жить отныне он будет в общежитии. В общежитии! В этом тараканнике и клоповнике! В центре разврата, где не учатся, а пьют дешевое спиртное и путаются с девицами легкого поведения! Да чтобы ее любимый сын, выросший на домашней пище, приготовленной с заботой, питался какой-то казенной дрянью, а то и вовсе забывал об обеде?! Не бывать такому! Зинаида Львовна съездила в общежитие и попыталась вернуть отбивающегося от рук отпрыска, но получила такой жесткий отпор, что прямо там, в комнате сына, которую тот делил с каким-то лохматым типом, расплакалась. Так и ушла она от Дениса, вытирая слезы, а они все катились и катились по щекам, оставляя розовые борозды в толстом слое белесой пудры. Как уж доехала до дому, Зинаида Львовна не помнила.

Она успокаивала себя тем, что Денис вскоре вернется. Надоест ему полуголодное существование, недосыпание, шум, экономический кризис в кошельке – и вернется. Но Денис воткнул в материнское сердце еще один нож: устроился на работу. По вечерам, после учебы, он подрабатывал то грузчиком (грузчиком! Ее сын!), то курьером в какой-то шарашкиной конторе... Да даже вспоминать стыдно!

От такой жизни Денис похудел, осунулся, под глазами его пролегли тени. Это все Зинаида Львовна увидела, когда, наплевав на гордость, вторично отправилась в общежитие возвращать блудного сына в домашнее гнездо.

Денис ей как будто даже обрадовался, и это придало Зинаиде Львовне уверенности. Но едва женщина заявила о своем намерении забрать его домой, как натолкнулась на крепкую стену холодной отчужденности.

– Нет. Если ты приехала ради этого, мама, то лучше поезжай домой. Я не вернусь. У меня своя жизнь, свои цели. Я уже не маленький.

– Ты мой сын! – в отчаянии вскричала Зинаида Львовна.

– Да, сын, но не плюшевый медведь, с которым можно делать все, что вздумается, – парировал Денис.

Эти слова больно задели Зинаиду Львовну, но так и остались непонятыми. Что значит «делать все, что вздумается»? Разве она так поступала? Нет, конечно, нет! Она всего лишь заботилась о своем ребенке, делала все возможное для того, чтобы он чувствовал себя хорошо.

И вот чего добились. Никакой благодарности!

Денис успешно окончил университет и вскоре создал собственную компанию. В тонкости работы сына Зинаида Львовна не вникала, бизнес и бизнес. Иногда, конечно, она с сожалением вздыхала, что не пошел он в медицину, как изначально планировалось. Бизнес – это такое зыбкое болото, то тебе везет, и ты прыгаешь по кочкам, то оступаешься и тонешь в трясине. Вот врач – уважаемая профессия, полезная, да и с какой гордостью Зинаида Львовна говорила бы подругам о том, что ее Денис – врач! А так даже и сказать почти нечего... Бизнесмен. Уже само слово вызывает неприятные ассоциации с девянатыми годами, «новыми русскими» и их малиновыми пиджаками, кризисом девяносто восьмого... Подругам оно тоже не нравится.

Но как бы Зинаида Львовна ни относилась к занятию сына, в их отношениях наступила оттепель. То ли Денис повзрослел и поумнел (понял, что мать у него одна и желает ему только добра), то ли просто добился своего – самостоятельности, то ли Зинаида Львовна, тоже сделав про себя кое-какие выводы, уменьшила натиск, но отношения их, замерзшие подобно побегу в мороз, дали новый росток. Она старалась поменьше соваться в дела сына, боясь спугнуть его и вновь натолкнуться на холодность. А Денис стал навещать мать раз в неделю, привозил подарки и продукты.

О том, что в один не совсем прекрасный для нее день сын женится, Зинаида Львовна хотя и думала, но гнала такие мысли от себя прочь. Подружек у Дениса не было, он оставался серьезным мальчиком, не таким легкомысленным, как его друг Илья. Честно говоря, в свое время Зинаида Львовна боялась, что школьный друг собьет ее примерного сына с пути истинного и Денис ступит на скользкую дорожку легких связей. Но ребенок оказался целомудреннее и

серьезнее, чем она думала. Потом, когда возраст Дениса приблизился к тридцати годам, Зинаида Львовна стала проявлять легкое беспокойство. Сын по-прежнему был увлечен работой, рвения к женитьбе не проявлял, а ей хотелось внуков. Без согласия Дениса она решила познакомиться с порядочной девушкой, которая отвечала бы всем ее, Зинаиды Львовны, понятиям об идеальной жене. Претендентов на эту почетную роль оказалось немного. Но дочери ее обеих подруг до сих пор не были замужем. Девушки хоть несколько и не дотягивали до звания идеальной жены, казались Зинаиде Львовне вполне порядочными.

К великому разочарованию Зинаиды Львовны, потенциальных невест и их родительниц, Денис не проявил никакого интереса к знакомству. Он высидел два ужина, побеседовал с девушками, вел себя вполне вежливо, но инициативы к продолжению знакомства не проявил. И невдомек Зинаиде Львовне было, что сын скрывает от нее свой роман, который длится уже три года.

Заявление сына о том, что он собирается жениться, прозвучало так неожиданно, что она слегла на неделю больной. Женщина никак не могла понять, почему Денис так долго скрывал от нее свое намерение жениться и почему выбрал в спутницы именно эту девушку – ветреную пустую бабочку, ну разве что яркую, ни готовить, ни вести хозяйство не приспособленную. Зинаиде Львовне оказалось достаточно всего одного раза, чтобы составить мнение о будущей невестке. Прежде всего, ее шокировал тот беспорядок, который царил в квартире сына. И ладно бы Денис был в нем повинен, так нет, хаос оказался создан из модных журналов, каких-то тряпок, карандашей и бездарных рисунков, которые подружка сына с гордостью называла эскизами. Возможно, Денис за годы житья в общежитии привык к грязи и беспорядку. Но ей-то, девушке, как ей не стыдно? Сама-то ведь – напомаженная, наманикюренная, причесанная, а в квартире – хлев. Далее, на обед, на который пригласили будущую свекровь, была подана казенная еда. Ну и что, что заказанная в дорогом ресторане. Не домашняя, значит – казенная. Не станет такая жена готовить Денису паровые котлетки. А что это за жена, если не встречает дорогого мужа с работы горячим полноценным ужином? Грош ей цена!

В общем, будущую невестку Зинаида Львовна невзлюбила сразу и не раз пыталась отговорить сына от скоропалительной, по ее мнению, свадьбы. Но чуть не добила полного разрыва отношений с Денисом. Как-то, не выдержав, сын резко заявил, что, если она еще раз скажет что-то против его любимой женщины, он перестанет приезжать к Зинаиде Львовне. Так и сказал – «любимой женщины»! А мать, значит, нелюбимая... Но, боясь, что сын исполнит угрозу, Зинаида Львовна притихла. Но не смирилась. Почему ее мальчик не женился, к примеру, на порядочной хозяйственной девушке, такой, как соседка Зинаиды Львовны Аля?! Алевтина поселилась в квартире, находящейся этажом ниже квартиры Бобровых, на пятом, со своей пожилой мамой три года назад. Работала в школе учительницей, была тихой, скромной, вежливой, аккуратной, соседям не мешала. Идеальная жена для ее сына!

Зинаида Львовна вздохнула, еще раз покосилась на влажное пятно побелки, которое, высыхая, начало светлеть. И с грустью подумала, что мир устроен очень несправедливо: матери вкладывают в своих сыновей все, а те потом вырастают и называют любимой совершенно чужую женщину.

* * *

Статью Илья написал: просидел половину ночи за ноутбуком и выдал небольшой рассказ о расследовании явления полтергейста в одной «нехорошей» квартире. Все повествование сводилось к тому, что группе исследователей удалось выяснить и доказать, что причиной шума был вовсе не барабашка, а соседский кот Кузьма, который умудрялся проникать через лазейку в смежную квартиру и хозяйничать там на кухне. Этот рассказ очень проигрывал тем, которые писал Илья раньше. Но сейчас голова парня была занята другими мыслями. История

с пятном на кухне Зинаиды Львовны чем-то зацепила Шахова. Форма у пятна и впрямь была любопытной, да и само его возникновение вызывало вопросы. Илья, хоть и чувствовал себя уставшим, подключил к ноутбуку фотокамеру и скачал с нее снимки, которые сделал в квартире Зинаиды Львовны.

Рассматривая изображение пятна, он подумал, что они с Денисом допустили ошибку, смыв грязь и вновь побелив стену. Настоящий исследователь не поступил бы так опрометчиво. Прежде чем ставить эксперимент с забеливанием, он взял бы пробы, сделал замеры, описания, даже если бы явление не показалось ему на первый взгляд интересным. Кто знает, что можно обнаружить при детальном исследовании! А Илья – раз, и уничтожил таинственное пятно. Сейчас он чувствовал себя так, будто на раскопках по небрежности и незнанию растоптал черепок, представлявший историческую ценность.

Если верить Денису, пятно проявилось вновь после того, как Зинаида Львовна его смыла – на том же месте, сохранив форму и размеры. Но уповать на то, что оно таинственным образом проступит на свежей побелке, было бы слишком глупо.

Илья выключил компьютер, сходил в ванную и, возвращаясь в комнату, захватил с трюмо мобильный, чтобы завести будильник на семь утра. Но вспомнил, что завтра ему придется ехать не на машине, а в метро, выругался и переставил сигнал на половину седьмого. Хорошо, если день пройдет в офисе, а ну-ка придется разъезжать по клиентам?

В тот момент, когда Илья забирался под одеяло, мобильный известил о принятом сообщении. «Я собираюсь в Египет. Либо ты едешь со мной, либо мы расстаемся», – прочитал Илья и стиснул зубы, словно от боли. СМС прислала Лена, и в таком ультимативном порядке она пыталась помириться.

Ссора вышла из-за того, что девушка брала отпуск и собиралась поехать к морю, а Илья не мог оставить работу. Лена упирала на то, что их решение ехать в отпуск в конце апреля было принято еще в ноябре прошлого года и Илья обещал ей эту поездку. Он же возражал, что в свете последних событий – травмы и долгого больничного – ему никто сейчас отпуска не даст. Но Лена и слушать не желала. Ни к какому компромиссу они так и не пришли, поссорились и разошлись, каждый убежденный в своей правоте и в том, что вторая половина не желает войти в его положение.

Илья еще раз перечитал сообщение, борясь с желанием написать девушке в ответ что-то едкое. Но, рассудив, что не стоит поддаваться дурному настроению, а лучше отправить ответ утром, отложил телефон.

Крутясь в кровати без сна, он подумал, что Лена пускает в ход тяжелую артиллерию – шантаж. «Либо едем, либо расстаемся». Если бы раньше какая-нибудь подружка прислала ему подобное сообщение, он бы не раздумывая написал «расстаемся» и занес номер телефона шантажистки в черный список. Но вот сейчас...

«Либо старею, либо и впрямь люблю... эту дуру».

Мобильный пискнул, извещая о новом сообщении: видимо, Лена, так и не дождавшись ответа, решила отправить свой ультиматум повторно. Читать СМС Илья не стал, сунул телефон под подушку и злорадно подумал: пусть Ленка мучается от бессонницы, ожидая ответа. А его на скандал сейчас не разведешь, он будет спать.

Алевтина

Утро было подобно раздавленному зеркалу: отражающаяся в нем картина вроде бы и осталась без изменений (все предметы – на местах), но все равно искажена разбежавшимися по поверхности стекла трещинами.

Так бывало с Алевтиной после того, как ночью ей снились кошмары: вроде бы ничего не случилось, все по-прежнему, а чувствовала она себя разбитой, больной и несчастной.

Первый кошмар приснился ей месяц назад, и этот сон, положивший начало целой череде ужасных сновидений, она запомнила в деталях. Последующие были лишь его вариациями: менялись места действий, но не сюжет.

В тот раз действие происходило в метро. Але снилось, будто, возвращаясь домой с дня рождения институтской приятельницы, с которой в реальности связь оборвалась сразу после окончания вуза, она спустилась в подземку. Был поздний вечер. И хоть час пик, когда основной поток людей возвращается с работы, давно закончился, безлюдье и тишина, которыми ее встретила станция, удивили Алевтину.

Поезд запаздывал, и Алевтине, находившейся на станции в одиночестве, становилось как-то не по себе. Девушка то и дело поглядывала на часы, которые то ли шли вперед, то ли отсчитывали время назад: дважды Аля попадала на одни и те же цифры – 3:33, и дважды на – 1:11. Но удивление проигрывало беспокойству, которое становилось все сильнее с каждой секундой, проведенной на пустой, будто вымершей платформе.

Наконец послышался шум приближающегося поезда. Состав вынырнул не из «правого» туннеля, как обычно, а из того, который находился под часами. Но Аля удивление растворилось в радости и облегчении. Каких-то двадцать-тридцать минут, и она прибудет на свою конечную станцию.

Людей в вагоне оказалось немного. И те, которые там находились, были заняты. Кто-то читал, закрывшись газетой, кто-то, опустив голову, так, что не было видно лица, дремал. Одна женщина, низко склонившись над сумочкой, копалась в содержимом. Длинные спутанные волосы занавешивали ее лицо, но женщина почему-то не убирала их, хоть они ей явно мешали. Аля прошла в вагон и заняла одно из пустых сидений. В стекле противоположного окна отражалось ее уставшее лицо. И девушка, разглядывая свое отражение, подумала о том, что с такой неинтересной, постной физиономией, к которой к тому же накрепко пристала унылая гримаса, нечего и мечтать, что однажды ей улыбнется женское счастье. Если уж она не смогла устроить личную жизнь в двадцать лет, когда цвет лица был свежим, как утренняя роза, глаза светились, а уголки рта еще не опустились, как у грустного «смайлика», напротив, губы трогала легкая улыбка, а кровь горячил адреналин ожидания, что вот-вот в ее жизни случится волшебство под названием Любовь... Если уж не успела вскочить в последний вагон уходящего поезда своей молодости в двадцать пять, когда, собственно, ей и улыбнулась коварной улыбкой Госпожа Любовь, оказавшаяся в реальности вовсе не доброй феей из сказки, а стервой-обманщицей... То что уж говорить про сейчас, когда Але исполнилось тридцать два, а выглядела она в лучшем случае на тридцать шесть. И каждое утро при взгляде в зеркало ей так и хотелось повторить слова ослика Иа: «Душераздирающее зре-е-е-лице...» И не только потому, что возраст с беспощадностью маньяка принялся разлиновывать ее лицо первыми мимическими морщинками, но и оттого, что выражение, застывшее на нем, в точности копировало выражение морды мультяшного ослика. Все, абсолютно все приятельницы к этому времени оказались замужними (даже те, которые развелись, вновь вышли замуж), с детьми. И только Алевтина оставалась одна, с девственным паспортом и с такой же незапятнанной девичьей честью.

Никаких, абсолютно никаких перспектив не предвиделось: весь круг ее знакомств составляли престарелые матроны из педагогического коллектива, женское царство разбавляли лишь

шестидесятилетний физрук и восемнадцатилетний охранник Степка, умственных способностей которого хватило лишь на то, чтобы с большим трудом окончить девять классов школы.

Вот в таких грустных размышлениях пребывала Аля, разглядывая в стекле свое отражение. Перегон между станциями оказался слишком длинным, так что девушка в полной мере смогла насладиться своими безрадостными мыслями. Запоздало спохватившись, что поезд все мчится и мчится в туннельной темноте, а машинист помалкивает, не объявляет остановку, Аля встревоженно огляделась по сторонам. Другим пассажирам, казалось, и дела не было до того, куда мчит их поезд. Девушка еще немного подождала, по ее представлениям, не меньше пяти минут, но за окном так и не показались огни приближающейся станции. И тогда Аля, осмелев, обратилась к ближайшей пассажирке – той женщине, которая все продолжала что-то искать в своей сумке.

– Скажите, вы не знаете...

Не договорив, Аля замолчала. Только сейчас она обратила внимание на то, что в темном окне отражается лишь она одна. Там не было ни спавшего через одно сиденье от нее мужчины, ни дамы с сумкой, ни парня в куртке с накинутым на голову капюшоном, ни обнимающейся парочки.

– Господи... – едва вымолвила Алевтина. И это слово, произнесенное шепотом, произвело вдруг эффект разорвавшейся бомбы.

– Гоооссссподиинии... – злобно зашипела дама, откидывая сумку на сиденье и поднимая голову. Ее лицо по-прежнему было закрыто волосами.

– Господиииии, – заныл, будто от боли, мгновенно проснувшийся мужчина.

– Господи, господи, – захихикала дуэтом парочка.

А парень в куртке резко распрямился и откинул капюшон. Аля, глянув на незнакомца, онемела от ужаса. Лица у парня не оказалось: отсутствовали глаза, нос, рот, а места, где они должны были находиться, оставались ровными, покрытыми той же сероватой кожей, что и вся поверхность «лица». Но при этом «лицо» было не лишено мимики, и гримаса, которая искажала его, безошибочно была расценена Алей как гнев.

Парень словно подал команду, и остальные пассажиры странного поезда стали медленно приближаться к Але. И у всех, всех до единого, были такие же пустые «лица». Аля окаменела от ужаса, не смогла ни закричать, ни пошевелиться. И в этот момент из динамиков грянул долгожданный голос машиниста:

– Следующая остановка – ад!

В тот раз Аля проснулась и еще долго лежала в постели, боясь выпростать из-под одеяла руку, чтобы зажечь свет. Тишину нарушало ее частое и громкое, как после пробежки, дыхание, а лицо неприятно холодил стекающий со лба пот. К сожалению, тот кошмар оказался первым и далеко не последним. И пусть действие в следующих снах происходило в других местах, сюжет оставался тем же: Аля оказывалась в одиночестве в каком-нибудь знакомом месте (однажды это была школа, потом – круглосуточный продуктовый магазин, затем – автобус), удивлялась пустынности, но тут помещение начинало заполняться людьми без лиц. Аля искала выход, но никогда его не находила.

Сегодня ей приснилось, будто она вошла в лифт, и только когда уже закрылись двери, поняла, что находится в толпе людей-призраков. Самым худшим оказалось то, что в этом сне призраки дотрагивались до нее. Аля, проснувшись и встав под горячий душ, еще долго не могла избавиться от ощущения ледяных прикосновений.

После третьего подобного сна ей подумалось, что неплохо было бы обратиться к кому-нибудь за советом. Что могло нарушить здоровый сон и породить кошмары? Усталость, тревога, глубинные страхи? После пятой плохо проведенной ночи Аля почти утвердилась в мысли, что ей необходима помощь. И сейчас, без аппетита жуя на завтрак безвкусные мюсли с обез-

жирным кефиром, она размышляла о том, у кого попросить помощи. Поначалу девушка собиралась проконсультироваться у школьного психолога Веры Сергеевны. Но, робея перед этой холеной и немного холодной дамой, все откладывала и откладывала разговор. А вчера Але попала на глаза газета с объявлениями. «Потомственная ведунья Диана... Предсказание по картам Таро, разгадывание снов...» Алевтина никогда не обращалась ни к гадалкам, ни к знахаркам, ни к экстрасенсам, более того, считала их всех шарлатанами. Но сейчас ее соблазняло умение этой ведуньи разгадывать сны. Да еще подкупало то, что телефон, указанный в объявлении, показался Але знакомым. От номера ее домашнего телефона его отличала лишь последняя цифра. Значит, потомственная предсказательница должна проживать в том же доме, что и Алевтина. Ей вспомнилась волоокая и черноволосая красавица, с которой Аля пару раз встретила в подъезде.

Доедая свой скудный завтрак, девушка решила, что сегодня обязательно позвонит по указанному в газете номеру, и принялась собираться на работу. Сборы были недолгими. Алевтина надела любимое трикотажное платье, торопливо прошла по лицу пуховкой с пудрой и так же небрежно мазнула щеточкой с тушью по коротким ресницам. Повседневный макияж завершен. Затем пригладила щеткой полураспущенные «химические» кудри, отметив, что надо бы после зарплаты записаться к парикмахеру, чтобы либо состричь отросшую «химию», либо сделать новую. Сунула в портфель пачку ученических тетрадей с проверенными сочинениями и, приоткрыв дверь в соседнюю комнату, шепотом сказала:

– Ма, я пошла!

В ответ Аля услышала утреннее благословение. Мама уже давно проснулась, но, как обычно, не выходила из своей комнаты, чтобы не мешать дочери собираться. Она вставала уже после того, когда за Алей закрывалась дверь, и начинала свой день, заполненный домашней работой, с похода в магазин за свежим хлебом.

Алевтина вышла на площадку, заперла за собой дверь и повернулась к лифту. Тот неожиданно, будто она успела его вызвать, распахнул двери, постоял, ожидая. Но едва девушка приблизилась к кабине, закрылся и порожним поехал вниз.

– Опередил, что ли, кто меня? – озадаченно пробормотала Алевтина.

В ожидании, когда погаснет кнопка, девушка услышала, как этажом выше хлопнула дверь, и мгновением позже раздался визгливый голос Зинаиды Львовны. Соседка с шестого этажа отличалась склочным характером. Вот и сейчас она громко, на три ближайших этажа, выражала возмущение тем, что сосед-подросток Вовка из квартиры напротив опять набедокурил. Ехать вместе с соседкой в лифте и выслушивать ее жалобы Але не хотелось, поэтому, так и не дождавшись, когда погаснет кнопка и можно будет вызвать лифт, девушка стала спускаться по лестнице пешком.

По дороге в школу Алевтиной вновь овладели сомнения, стоит ли звонить по объявлению в газете или нет. С одной стороны, девушке хотелось покончить с чередой кошмаров, портящих ей настроение и выпивающих силы, с другой – сомневалась, обращаться ли с этим делом к гадалке? Ведь в объявлении не было указано, что ясновидящая избавляет от кошмаров. Она берется лишь за разгадывание снов.

С такими мыслями Аля пришла в школу, поднялась на второй этаж, на котором находилась учительская, и вошла в дверь. В комнате никого не оказалось, хотя, как правило, в этот час здесь обычно уже находилась Тамара Степановна, учительница математики. В первый момент Аля удивилась, найдя учительскую пустой, но потом вспомнила, что по пятницам у математички уроков нет. Это обстоятельство и разрешило Алины колебания. Прикрыв дверь учительской, девушка вытащила из портфеля газету с обведенным красной ручкой объявлением и подошла к телефону.

– Да-а? – после нескольких долгих гудков отозвался женский голос – тягучий, сладкий, будто мед.

Услышав его, Аля явственно представила себе черноволосую красавицу с томной поволокой в темных глазах. Свою соседку. Алевтина сделала глубокий вдох и, стараясь, чтобы голос не дрожал от волнения, спросила:

– Скажите, вы и вправду разгадываете сны?..

* * *

К утру на телефоне у Ильи оказалось пять сообщений от Лены почти одинакового содержания: девушка ставила условия, угрожала разрывом, ругалась. Похоже, она так и не ложилась спать, увлеченная эсэмэс-атакой: сообщения отправлялись примерно с разницей в час, и последнее пришло уже под утро. Илья недобро усмехнулся, подумав о том, что Ленка, похоже, за эту ночь довела себя до истерики. Сама виновата! Он же, в отличие от нее, спал так крепко, что не слышал писка мобильного, извещающего о принимаемых сообщениях.

Но, однако, что делать с Леной и ее ультиматумом, Илья так и не решил.

Завтракать не хотелось, он выпил лишь растворимого кофе – на ходу, лавируя по квартире с чашкой. Возле старого трельяжа, на тумбочке перед которым были выставлены еще бабушкины сервизы, Илья задержался, отрешенно думая о том, что надо бы поменять мебель. Деньги на это имелись, он неплохо зарабатывал, но прошло уже пять лет после смерти бабушки, а обстановка квартиры оставалась прежней. Словно Илья и не являлся владельцем «однушки», а приехал к бабушке в гости и задержался.

Пора бы уж что-то сделать в квартире... Мебель новую купить. Лена уже давно ему говорила о необходимости капитального ремонта и даже предлагала услуги знакомого оформителя интерьеров. По словам девушки, «однушку» можно было бы преобразовать в просторную «студию».

Лена... Что с ней происходит в последнее время? Раньше она не была такой капризной. Шла на компромиссы, в чем-то ему уступала. Но в последнее время ей будто вожжа под хвост попала, девушка все чаще стала истерить, ставить условия, угрожать, как этой ночью, разрывом. Друг Денис высказал свою версию по поводу ее поведения: предположил, что девушка «зажалась» в статусе подруги и хочет от Ильи решительных действий – женитьбы.

Жениться Илья не был против, но тянул с предложением. Ему казалось, что подходящий момент еще не наступил. Вот сделать бы в квартире ремонт, прежде чем приводить сюда молодую жену! Лена, похоже, разгадала «предлог» и, видимо, поэтому настаивала на срочности ремонта.

– Ладно, пусть будет ремонт! – решил Илья, рассматривая чашки в крупный горох. – Посуду отвезу к родителям. Мебель, к сожалению, уже такая древняя, что на нее вряд ли кто-то позарится. Придется выкинуть. И, так и быть, сделаю Ленке приятное, приглашу ее знакомого дизайнера. Посмотрим, что он предложит. Может, и в самом деле сделает из этого «бабушкиного сундука» что-то современное и стоящее.

Илья отнес пустую чашку на кухню, вернулся в комнату и достал из шкафа деловой костюм. Как же он ненавидел эту представительскую «робу»! Пиджак, галстук, рубашку и быстро мнущиеся брюки... Как не любил и офисное здание-«стекляшку», в котором сейчас проходила большая часть его жизни. Серый ковролин, узкие коридоры и комнатки-кладовки, в которых работало по три-четыре сотрудника, столы с глухими перегородками, отсекающими и без того крошечное пространство. На такое офисное существование, которое Илья даже не называл жизнью, тратилось втрое больше сил и энергии, чем он расходовал в юности во время сложного и долгого перехода. Даже неплохой заработок уже так не радовал, как раньше. Илье в последнее время начинало казаться, что однажды он умрет от асфиксии без свежего воздуха, адреналина и пьяной свободы. «Кладовки» все больше и больше напоминали ему тюремные

камеры, серый ковролин – мертвый бетон, служба безопасности – надсмотрщиков, костюм – робу. Он уже казался себе заключенным, приговоренным к пожизненному сроку.

«Сделаю ремонт в квартире и смоюсь оттуда на фиг, – решил Илья, надевая галстук с чувством обреченности, будто накидывая на шею петлю. – Сбережения кое-какие есть, на первое время хватит. Вначале – в горы. А потом – думать, что предпринять дальше».

Рабочий день шел как обычно – звонки, переговоры, две намечающиеся сделки, собрание в первой половине дня. Начальник отказался подписать его заявление на отпуск, но Илья и не ожидал иного ответа, он подавал заявление скорее для очищения совести перед Леной, чем всерьез надеясь на получение начальственной визы. Разговор с Леной еще предстоял, и Илья оттягивал его, предчувствуя, что ничего хорошего он не принесет.

Шахов решил позвонить девушке вечером, после работы, пригласить в кафе и все спокойно обсудить. Ссориться с ней он не хотел, наоборот, желал перемирия и надеялся уговорить Лену подождать с поездкой до лета. В качестве утешения собирался сообщить, что готов начать ремонт в квартире, и намекнуть на то, что после того, как жилище будет приведено в порядок, они начнут готовиться к свадьбе. Собственно, летняя поездка на море может стать их свадебным путешествием. Лена от таких планов должна растаять и простить ему несдержанное не по своей вине обещание.

Звонок в автосервис поднял настроение. Девушка-секретарь сообщила, что машину уже можно забирать. Илья повеселел и решил, что после работы вначале заедет за машиной, потом – заглянет к Лене и повезет ее в какой-нибудь хороший ресторан.

Но когда рабочий день подходил к концу, ему позвонил Бобров.

– Старик, ты все еще на работе? – спросил друг, забыв поздороваться, и Илья уловил в его голосе беспокойство.

– Ну а где же мне еще быть? Что-то случилось?

– Ерунда, но ты же знаешь мою мать...

– Пятно опять появилось? – перебил Илья с невольной радостью, так удивившей Дениса. Чего уж греха таить, даже занятый работой, Шахов не переставал думать о «лике», так он про себя окрестил странное пятно в квартире Зинаиды Львовны.

– Нет. Но мать обнаружила другое. В кладовке. В общем, у моей маман истерика, она требует, чтобы ты немедленно приехал к ней, а также моего развода с переездом, поиска виновных в появлении грязи на стенах и разборок с соседкой сверху... В общем, все в кучу. Цирк и театр в одном флаконе. Думаю, Илюх, ты был прав, сказав вчера, что эти пятна – задумка моей матери, призванная привлечь внимание.

– погоди, не горячись. Давай съездим и на месте разберемся. Только мне машину надо из сервиса забрать.

– Тогда я прямиком к матери дую, а ты подъезжай!

Диана

С брезгливостью и возмущением, будто ей под видом марки «Гуччи» подсунули сумочку, сшитую в подпольном цеху, Диана взглянула на гостью. Но только взглянула – и профессионально сменила хмурое выражение лица на лучезарное. Хотя эта несчастная толстуха в дешевой и безвкусной одежде коллекции «Черкизово-2000» вряд ли станет ее постоянной клиенткой (магические услуги стоили совсем недешево, и делать скидку этой тетке просто потому, что та оказалась ее соседкой, Диана не собиралась), но могла бы порекомендовать ведунью кому-то с более пухлым кошельком. Или, напротив, оставшись недовольной плохим приемом, растрепать на каждом углу о том, что с ней неласково обошлись.

– Здравствуйте, – пролепетала толстуха, и ее круглые зефирно-мягкие щеки покрылись ярким неровным румянцем. Видимо, тетка знала о своей способности мгновенно краснеть, потому что привычным движением коснулась ладонями щек и, спохватившись, торопливо отняла руки от лица.

– Я ваша соседка. Аля. Алевтина Сапогова, – заметно волнуясь, представилась гостья. – Я звонила утром. И вы сказали прийти в четыре.

– Проходите, – сделала приглашающий жест Диана и красноречиво посмотрела на старенькие сапожки соседки, с которых уже натекла грязная лужица.

– Извините, – пролепетала Алевтина. И лицо ее приобрело ровный свекольный оттенок.

– Ничего-ничего! Разувайтесь и проходите.

Тетка поставила на пол свой чудовищно огромный портфель, фасон которого вышел из моды еще чуть ли не в середине прошлого столетия, и принялась, пыхтя, стаскивать сапоги.

Диана терпеливо ждала, сложив руки на груди и украдкой рассматривая клиентку. Вся картина, как говорится, налицо. Дешевое драповое пальто в «елочку», купленное сколько-то лет назад на рынке, стоптанные сапоги, приобретенные там же, говорили о малооплачиваемой работе, в которой клиентка увязла как в болоте без перспектив продвижения. Когда Алевтина открыла свой старомодный, деформированный постоянно таскаемыми в нем тяжестью портфель, Диана краем глаза заметила в нем стопку тонких ученических тетрадей. Ага, с работой все понятно – училка в средней школе. Отсутствие обручального колечка на правой руке, запущенная полнота, с которой Алевтина, похоже, и не пыталась бороться, неряшливо-темные возле корней, испорченные «химией» в дешевой парикмахерской волосы, напоминающие свалявшуюся шерсть неухоженного пуделька, отсутствие маникюра и унылая гримаса на в общем-то приятном лице говорили о том, что у Алевтины нет мужа или возлюбленного. Несчастливая баба, неудовлетворенная ни работой, ни личной жизнью. Все ясно и без всяких гаданий.

Увидев, что клиентка наконец-то стащила с отекавших ног сапоги, Диана медово пропела:

– Сю-юда.

Она проводила гостью в гостиную и невольно поморщилась, заметив, что Алевтина замерла на пороге и с удивлением и плохо скрываемым интересом осматривает комнату. Впрочем, разглядывать тут было что: Диана, соблюдая имидж ясновидящей в пятом поколении, практикующей, как указано в объявлении, черную и белую магию, напичкала гостиную всевозможными атрибутами, красноречиво говорящими о роде занятий хозяйки. Окно закрывали темно-синие шторы, отчего в гостиной царил полумрак, разбавляемый лишь светом трех толстых свечей в массивном напольном подсвечнике. Мебели как таковой не наблюдалось, если не считать двух глубоких кресел, маленького столика между ними и этажерки с книгами по магии, молитвенниками и сонниками. На стенах, вперемишку, были развешаны абстрактные картины с изображением комет, планет, звездных дорожек (что должно было недвусмысленно намекать на связь хозяйки с космосом), африканские маски (подделки, купленные Дианой в сувенирной лавке), пара икон и несколько амулетов, назначение и происхождение которых

составляло тайну для самой хозяйки. Одним словом, обстановка гостиной вызывала любопытство, и Диана уже привыкла к тому, что посетители рассматривали комнату с интересом. Но не с таким же откровенным!

– Присаживайтесь, присаживайтесь, – поторопила Диана гостью, указывая рукой на одно из кресел. И после того как Алевтина неуклюже в него плюхнулась, села в другое, стоящее напротив.

Обычно Диана предлагала клиентам кофе или чай и в ненавязчивой беседе узнавала часть информации. Специально она ничего не выпрашивала, просто умела хорошо подмечать детали. Пяти-десяти минут чаепития оказывалось достаточно, чтобы получить о клиенте более-менее ясное представление. Обычно Диана попадала в яблочко (хотя проколы тоже случались), и клиент, удивленный ее «ясновидением», под видом которого ведунья маскировала наблюдательность и неплохие способности психолога, располагался к ней больше.

С этой Сапоговой все стало ясно с самого начала, поэтому Диана предлагать чай не стала.

– Что-то не так? – робко спросила соседка, растерянно хлопая слипшимися от некачественной туши ресницами.

Видимо, почувствовала себя неудобно под сканирующим взглядом хозяйки.

«Много что не так, – мысленно ответила Диана. – Например, платье... Ты в нем похожа на перекормленного поросенка». Это же надо додуматься – при оплывшей фигуре вырядиться в обтягивающий трикотаж, который лишь подчеркивал все жировые валики! Да еще и розового цвета! «Ливерная колбаса, – мысленно наградила Диана гостью еще одним нелицеприятным эпитетом. – А прическа твоя – все равно что прошлогодняя мочалка. И маникюрных ножниц, наверное, в твоём доме не водится, иначе ты не грызла бы ногти. В общем, как твою судьбу ни корректируй, какие привороты ни делай, но если ты не займешься своей внешностью, о «прЫнце» и мечтать забудь».

Вслух, конечно, Диана ничего не сказала, лишь плавно покачала головой в ответ на «что-то не так?» и ласково напомнила:

– По телефону вы говорили о снах...

– Да, да! – воскликнула гостья. – Скажите, вы действительно умеете их разгадывать?

Разгадывать сны умела Дианина бабушка. Сонниками, такими модными и популярными сейчас, она никогда не пользовалась, полностью полагалась на свою интуицию. Бабушка *чувствовала* сновидения и почти сразу могла сказать, нес ли сон какую-то ценную информацию либо был простой «пустышкой», пусть изначально и казался диковинным. Но прежде чем дать ответ, внимательно выслушивала гостя или гостью. Для этого существовал целый ритуал. Бабушка заваривала чай с травами, разливала его по двум синим чашкам из тонкого фарфора, одну из которых ставила перед рассказчиком, вторую – перед собой. И только после этого кивком давала знак начинать. Слушала она всегда с прикрытыми глазами, так, что, казалось, и не слушала вовсе, а подремывала. Когда рассказчик замолкал, бабушка еще с минуту сидела словно в дремоте, осмысляя услышанное, а потом резко открывала глаза и отвечала: «Вот что, дорогая...» Она всегда начинала с этой фразы...

– Рассказывай, дорогая, – невольно скопировала Диана бабушкино обращение.

И это интимное обращение «дорогая» вновь смутило Алевтину.

– Не волнуйтесь, – подбодрила хозяйка гостью. – Я внимательно вас выслушаю. Так что же вам приснилось, что подвигло вас обратиться ко мне за помощью?

– Мне снятся кошмары, – хриплым от волнения и вновь накатившего на нее ужаса голосом произнесла Алевтина. – Никогда не снились. Вот верите – ни-ког-да! А теперь в течение месяца я с завидной частотой вижу один и тот же сон. Разница лишь в деталях да в месте действия. Я не знала, к кому обратиться... Понимаете, эти сны меня так пугают, что я еще долго после пробуждения прихожу в себя. Возможно, мои ощущения кажутся вам сущей ерундой. Но вот представьте себе, что вы постоянно видите такие четкие и правдоподобные картины,

что в первые минуты после пробуждения не можете понять, приснилось ли вам это либо вы пережили кошмар наяву. Случалось ли с вами когда-нибудь такое? Нечто, что вызвало у вас панический страх?

От неожиданного вопроса гостьи Диана растерялась. Бывало ли с ней нечто подобное? Да. Страх, который накатывает удушливой волной, был ей хорошо знаком. Он шел из детства и преследовал ее всю юность. Теперь причина изменилась, но страх не пропал, напротив, стал острее.

...Было ей тогда лет шесть, но странный случай, оказавший некое влияние на выбор занятия в жизни, помнился Диане до сих пор.

Каждое лето под предлогом необходимости дышать свежим воздухом и пить парное молоко мать отправляла маленькую Диану в гости к бабушке в деревню. На самом деле мама «сплавляла» дочь к своей матери, чтобы заняться устройством личной жизни. Год за годом она предпринимала подобную попытку найти мужчину, иногда ей это удавалось, но, судя по тому, что следующим летом маленькая Дина опять отправлялась в деревню, ненадолго.

В тот год соседская собака Чернуха принесла щенят. Их было трое – толстолапых неуклюжих малышей с треугольными ушами-тряпочками и скрученными в тугие бублики хвостами. Двое из карапузов пошли мастью в мать – черные с белыми «галстуками» и «перчатками». И только один уродился белоснежным. «Подкидыш» – так назвала щенка хозяйка, который и в самом деле был будто из другого помета. Его, этого щенка-снежка, Диана и выпросила у соседки.

Бабушка поначалу поворчала на такое самоуправство внучки – принести «животину» в дом, но сдалась быстро, решив, что пусть уж внучка со щенком возится, чем с местными мальчишками лазит по соседским садам, гоняет палками голубей и ловит в канаве головастики. Надо сказать, что росла Диана настоящей сорвиголовой, пацанкой с вечно сбитыми коленками, синяками и шишками. И забота о щенке в какой-то мере должна была превратить ее «в девочку», как назвала это бабушка, уже опробовавшая ранее различные способы – банты-платья, куклы, ласковые уговоры и ругань. Платья не выдерживали испытания заборами и деревьями, банты слетали с по-мальчишески коротких волос Дианы, куклы оказывались заброшенными, а в нарядных туфельках девочка тут же, едва выйдя из дому, влезала в какую-нибудь лужу. Теперь воспитанием маленькой хулиганки должен был заняться щенок.

Бабушкины ожидания оправдались: Снежок, как назвала Диана питомца, отвлек девочку от дворовых игр. На время были забыты боевые товарищи, не соблазняла даже спелая малина в чужих садах. Все свое время Диана посвящала питомцу: купала, наряжала, как куклу, кормила чуть ли не с ложки, таскала на руках, укладывала спать.

В тот день бабушка ушла на почту. Диана и прежде оставалась в доме одна, поэтому ничего страшного в этом не было. Девочка играла со щенком, пела ему песни и наряжала в банты.

Она помнила, что отлучилась в соседнюю комнату всего на пару минут: хотела найти для Снежка, оставшегося в гостинной, резиновый мяч. Но только девочка наклонилась над ящиком с игрушками, как услышала истошный визг своего любимца. Бросившись на шум, девочка увидела в гостинной старуху, с ног до головы одетую в черное. В руке у незнакомки была трость, которой та тыкала в живот опрокинутого на спину и отчаянно визжащего щенка.

– Что вы делаете? – закричала девочка.

Старуха повернула к ней лицо – сморщенное и высохшее, будто древесная кора, обезображенное к тому же огромным рубцом. Ее глаза злобно поблескивали. Бабка была очень похожа на Бабу-ягу из мультиков. Бабы-яги Диана не боялась, но испугалась того, что непрощенная гостья причинила щенку боль.

– Он же маленький! – Диана бросилась к Снежку, подхватила его на руки и прижала к себе.

Щенок сильно дрожал и тихонько поскуливал, будто от боли или страха.

– Как вы посмели его обидеть?! – дрожа от негодования, закричала девочка.

Повернувшись к госте, но увидела, что находится в гостиной одна. Старуха будто растворилась в воздухе. Прижимая к себе все еще поскуливающего Снежку, Диана недоуменно огляделась, вышла в соседнюю комнату, думая, что незнакомка скрылась там, но никого не обнаружила.

Когда вернулась бабушка, девочка рассказала той о незваной посетительнице. Бабушка неожиданно разволновалась, расспросила внучку о старухе: как выглядела, во что была одета, какую трость держала в руках. Но на вопрос внучки, что это за тетя, как-то отговорились.

Со временем Диана забыла о том странном эпизоде. Старуха в черном больше не появлялась, и девочка не задавалась вопросом, как та могла оказаться в запертом доме и потом незаметно исчезнуть. Лишь спустя несколько лет, помогая бабушке разбирать шкаф, наткнулась на пакет со старыми фотографиями. На одной из них она узнала ту самую старуху, обидевшую щенка. Бабка на снимке была точь-в-точь такой, какой Диана ее увидела в гостиной: в черном одеянии, платке, закрывавшем лоб до бровей, с безобразным шрамом, еще более уродовавшим ее морщинистое лицо.

– Кто это? – воскликнула Диана, протягивая бабушке снимок с пожелтевшими уголками.

– Моя мать, – нехотя ответила та и сменила тему.

Позже, ужиная в летней кухне, девочка услышала, как бабушка сказала соседке, зашедшей в их двор:

– Динка-то мою мать-покойницу однажды увидела. Явилась, ведьма! Как бы не легло на девочку проклятие. Но больше того боюсь, что пойдет она по дорожке моей матери. Та ведь тоже покойников видела.

Ночью Диана лежала без сна, прокручивая в памяти тот поблекший эпизод. От нарастающего страха ее даже начало подташнивать. В окно светил дворовый фонарь, и в его свете старая груша, посаженная перед крыльцом, отбрасывала на стену комнаты корявую и многорукую тень, похожую на монстра. Диана, глядя на эту тень, чувствовала, что тонет и захлебывается в своих страхах.

Ей не было страшно ни в тот момент, когда она нашла фотографию, ни в тот, когда бабушка нехотя призналась, что старуха со снимка – Дианина покойная прабабка. Но сейчас, в ночной темноте и тишине, казавшейся зловещей, воспоминания, домыслы и бабушкины слова складывались в одну картину, навевающую на девочку ужас.

Страшно было даже не от осознания того, что несколько лет назад Диана повстречалась с призраком. А потому, что из-за неведомого и непонятного ей «проклятия» может тоже стать ведьмой. Диана косилась на тень на стене, и ей казалось, что та из монстра трансформируется в старуху с тощими узловатыми руками и спутанными космами. В ведьму. В такую, в которую, по словам бабушки, она тоже может однажды превратиться...

Так о чем эта Сапогова ей рассказывает? Нет, не рассказывает, а выжидающе смотрит на нее. Ах да, она ведь спросила, испытывала ли Диана когда-нибудь ужас.

– Нет, – медово улыбнулась хозяйка квартиры. – Я умею абстрагироваться от таких лишних в моем деле эмоций, как ужас. Но давайте вернемся к вашим снам.

Диана слушала клиентку и не слышала. Сны могли бы показаться интересными, но только ворожая то и дело теряла нить разговора. Сосредоточиться мешали так неожиданно воскресшие воспоминания о странном эпизоде из детства.

Эх, бабушку бы сюда, она бы мигом поняла, какой смысл имели кошмары, преследовавшие соседку Сапогову. Диана в очередной раз попыталась сконцентрироваться на рассказе, но

так и не смогла, потому что пропустила начало. Что за странные люди без лиц? Какие еще призраки в лифте? Посоветовать Сапоговой написать по мотивам снов триллер?

– Вот что, Алевтина, – доверительно понизив голос, произнесла Диана после того, как соседка замолчала. – Может быть, то, что я скажу, удивит, может, расстроит, а может – обрадует, но я считаю, что в этих снах нет информации. Они – «пустые». И вызваны, пожалуй, переутомлением, тревогами, неудовлетворенностью.

– То есть... я обратилась к вам зря? – сконфуженно пробормотала Аля и вновь покраснела.

Диана мысленно закатила глаза: ну до чего же неуверенная в себе тетка! Но вслух ласково сказала:

– Нет, не зря. Я же ведь сказала, что сны не несут никакой угрозы, так что на этот счет можете не беспокоиться. А чтобы вы не считали этот визит бесполезным, я погадаю вам на картах. Не волнуйтесь, бесплатно, – добавила Диана, заметив мелькнувшее в глазах соседки беспокойство.

Последняя фраза про бесплатную услугу вырвалась как-то сама собой. Неслыханный аттракцион щедрости! Диана мало что делала задаром, во всем искала выгоду, пусть и малую. За гадания на картах она всегда брала плату. С чего вдруг так расщедрилась – и сама не поняла. Не сказать, чтобы вдруг почувствовала к этой Сапоговой симпатию, но и неприязнь, которая возникла в первый момент их знакомства, пропала. Диана чуть-чуть жалела эту неухоженную тетку, которая по возрасту, может, и ненамного была старше самой Дианы.

«К хорошему бы парикмахеру тебя, диетологу и стилисту... Глядишь, эти визиты принесли бы тебе пользы куда больше, чем мое гадание. А сейчас, попроси ты меня об этом, я бы отказалась делать приворот, даже если бы ты озолотила меня за эту услугу. Не стала бы рисковать своей репутацией, потому что с такой запущенной внешностью ни один, даже самый сильный приворот не поможет».

Диана разложила на столике веер карт, с минуту задумчиво рассматривала расклад, после чего принялась нараспев рассказывать и о «настоящем», вычитанном не по картам, а составленном из наблюдений (особенно эффектным оказалось заявление о работе в школе), о прошлом (безответная сильная любовь). Про любовь было сказано наугад, но, судя по тому, как дернулась в этот момент Алевтина, Диана попала в точку. Про будущее придумывать она не стала. Сказала то, что и в самом деле увидела на картах:

– Будет у тебя встреча с человеком из прошлого, которая изменит твое будущее.

* * *

Н-ское шоссе Илья не любил. Узкое и неудобное, ограниченное с обеих сторон частными владениями, оно напоминало желоб. Ехать этой дорогой, особенно ранним утром, когда все торопились на работу, либо вечером, когда возвращались, было невозможно. Машины не двигались, а стояли. Особо находчивые, включая водителей маршруток, пытались объехать пробки по обочинам, чуть ли не съезжая во дворы частных домов, а в любую образовавшуюся дырку тут же пытались втиснуться сразу несколько автомобилей. Ни к чему хорошему это не приводило. Илья, пока доехал до нужного поворота, успел увидеть две или три мелкие аварии.

Благо, возвращался он сейчас по полупустому шоссе: в доме Зинаиды Львовны провел без малого три часа, за это время пробки успели рассосаться. К тому же из области в Москву в это время поток машин был не такой интенсивный, как обратно. В общем, езда доставляла не раздражение, а удовольствие. Из динамиков раздавалась «Патетическая соната» Бетховена, в желудке обосновалась приятная сытость: перед тем как отпустить сына и его друга, Зинаида Львовна накормила их плотным ужином. А готовила Денискина мать, что и говорить, не хуже шеф-повара! И все было бы хорошо, если бы не боль в ноге, которая свинцовым мячом пере-

катывалась от лодыжки к колену и обратно. Почти уже привычная ситуация: к вечеру нога начинала ныть. А дальше события развивались в зависимости от того, как Илья провел день и что собирался делать. Если день выдавался насыщенным, приходилось много бегать, то к ночи боль усиливалась, и заглушать ее приходилось анальгетиками. Если же все было более-менее спокойно, а Илья, никуда после работы не заезжая, прямоком отправлялся домой, где принимал расслабляющую ванну и потом отдыхал, просматривая какой-нибудь фильм, то боль сама собой утихала.

Сегодняшний день выдался насыщенным, так что вырисовывалась неприятная перспектива проворочаться полночи в кровати и уснуть, только объевшись анальгетиков.

«А я еще о походе в горы мечтаю... Да мне сейчас только курорты для пенсионеров светят: размеренно прогуливаться по ровной аллейке в компании неторопливых старичков на каком-нибудь водно-грязевом курорте, рискуя в итоге умереть от скуки».

Илья поморщился и, будто это могло заглушить боль, повернул ручку динамика, делая звук громче.

Впрочем, новое пятно, обнаруженное в квартире Зинаиды Львовны, вызывало такой интерес, что можно было перетерпеть и усталость, и боль.

Возможно, что этот отпечаток не являлся новым и появился раньше первого пятна-«лица». Но находился он в таком скрытом месте, что неудивительно, что обнаружили его лишь сегодня. Со слов Зинаиды Львовны, она искала в кладовке, представляющей собой маленький стеной шкаф с полками, на которых хранились пустые банки и банки с консервами, бутыл с яблочным повидлом. С утра мать Дениски задумала напечь сладких пирожков, и для этих целей ей понадобилось повидло. Но когда она вытащила бутыл, то чуть не уронила ее от неожиданности. На задней стенке женщина заметила темное пятно. Осторожно поставив бутыл с повидлом на пол, Зинаида Львовна сходила за фонариком и осветила пятно, почти не сомневаясь, что увидит какую-нибудь жуткую «рожу», как она назвала изображение, обнаруженное ранее на кухне. И точно, ее ожидания оправдались. На стене четко вырисовывался носатый профиль. Зинаида Львовна сразу же позвонила сыну и потребовала, чтобы тот вместе с другом незамедлительно прибыл к ней.

Сейчас Илья жалел о том, что не взял с собой цифровой камеры. Фотографии он, конечно, сделал, но снятые с помощью мобильного телефона снимки были некачественными. А Илье хотелось рассмотреть дома фотографии обоих пятен детально. Дело начинало казаться ему интересным. Денис рассказал, что недавно, еще до появления странных пятен, здание осматривала комиссия на предмет оценки состояния аварийности и не выявила никаких изъянов. Так что это обстоятельство частично исключало первую пришедшую в голову версию, что появление пятен вызвано дефектами в структуре здания.

Не следовало также с ходу отвергать версию о том, что «живопись» на стенах являлась делом рук Зинаиды Львовны. На первый взгляд было не похоже, что женщина имела какое-то отношение к появлению пятен. Она казалась напуганной и обеспокоенной. Но парень также знал, что мать друга являлась талантливой актрисой и ради достижения своих целей могла бы достоверно разыграть и собственную смерть.

Илья решил, что первым делом по возвращении домой поищет информацию в Сети. В мире, должно быть, случались подобные явления. Пока он попросил Зинаиду Львовну не трогать пятно, оставить его для исследования. Илья поехал бы к матери друга и завтра, но на этот день был запланирован долгожданный пикник на даче у приятеля, и пропускать мероприятие не хотелось. Пришлось отложить визит на пару дней.

Илья, мысленно сравнивая оба пятна, отметил одну деталь: они проявились на разных стенах. То есть условия, в которых они возникли, – различные. Первое они нашли на кухне. Причину его возникновения еще можно было бы объяснить влажным паром, поднимающимся от приготовляемой пищи, жаром, идущим от плиты, химическими реакциями, происходя-

щими на свету (планировка квартиры была такова, что кухня выходила на солнечную сторону). Но второе пятно появилось в условиях, почти противоположных первым: в темной сухой кладовке. К тому же стена, на которой оно возникло, была не побелена, а покрашена.

Когда Илья въехал на МКАД, мобильный проиграл мелодию, которую Лена установила на свои звонки. «О черт, совсем забыл ей позвонить!» – с досадой подумал Илья и обреченно поднес трубку к уху, уже предчувствуя, что девушка звонит не с ласковыми словами.

– Ты что, обо мне совсем забыл? Или отправил в «игнор»? – дрожащим от негодования голосом произнесла Лена. Приветствие она умышленно пропустила.

– Лена, я замотался. И сейчас за рулем. Давай я потом перезвоню? – попробовал выкрутиться Илья.

– Как же, «потом»! Если будешь мне «перезванивать» так, как вчера, то я не дождусь твоего звонка до старости! Неужели за весь день не нашлось минутки, чтобы позвонить или, на худой конец, отправить сообщение? Я тебе...

– Лена, давай поговорим спокойно, но не в дороге, – перебил Илья. – Позже.

– Когда это «позже»?! Я тебе вчера пять сообщений отправила! Ты что, не понял, я уезжаю! И если вчера я еще колебалась, ехать или нет, то теперь уверена в своем решении на сто процентов!

– Ну а мне чего звонишь, раз ты уже все решила? – еле сдерживая раздражение, спросил Илья.

И мысленно обругал себя: не нужно было поддаваться на Ленкины провокации. Ей же хочется выплеснуть негодование! Покричать, побушевать, обвинить его во всех грехах! Она сейчас – пороховая бочка. Поднеси спичку, и взорвется. А он своим провоцирующим вопросом это и сделал. Но Илье уже трудно было остановиться: усталость и разболевшаяся нога лишь усугубляли его раздражение, которое выплеснулось сейчас раскаленной лавой.

– Звонишь для того, чтобы выдвинуть новые ультиматумы? А зачем?! Если сказала, что все уже решила на сто процентов! Надеешься, что я брошусь тебя отговаривать? А не надейся! Не буду! Я тебе уже объяснил, почему не могу взять отпуск! Но ты идти на компромиссы не желаешь. Кто всегда шел на уступки – я! Хотя ты прекрасно знаешь, как ненавижу это пассивное валяние на раскаленном песке. И что? Мы всегда ездили только туда, куда хотелось тебе! И в этот раз бы поехали, если бы не об-сто-я-тель-ства!

– Не строй из себя жертву! – взвизгнула Лена.

– Это ты строишь из себя жертву! Обидели маленькую, конфетку не дали... Губы надула. Условия выдвигаешь. Пишешь, что, если я не поеду с тобой – расстанемся. Хорошо! Расстанемся! Выше головы я все равно прыгнуть не могу и выбить отпуск *сейчас* в угоду твоему *капризу* не в силах. Уговаривать тоже не собираюсь, потому что ты уже *все решила на сто процентов*. Так что, как ты и предложила, расстанемся.

– Шахов, что с тобой? – спросила Лена ровным голосом, хотя Илья ожидал, что после таких слов она бросит трубку либо кинется в словесную атаку, и тогда уже он отключил бы телефон.

– Устал, и нога болит, – честно признался Илья. – Твои ультиматумы пришлось очень не вовремя.

– Извини.

– Лена, такими методами ты мало чего добьешься. Надо хотя бы иногда входить в положение других.

– Ты не звонил, и я подумала, что ты решил меня бросить, – на одном дыхании выпалила она.

– Будешь выдвигать такие условия, брошу. Ультиматумы – это заведомо проигрышные ходы, Лена. По крайней мере в отношениях со мной.

И пока девушка не сказала что-нибудь в ответ, сменил тему:

– Кстати, сегодня я думал о том, что надо бы сделать ремонт в моей «берлоге». Звони своему дизайнеру. Посмотрим, что он может предложить.

– Ой! – обрадовалась Лена.

Илья усмехнулся и, воспользовавшись тем, что девушка сейчас находится в хорошем расположении духа, сказал:

– Завтра мы приглашены на пикник на дачу к моему приятелю. Помнишь? Ты со мной или уже передумала?

– Конечно, с тобой! – поспешно согласилась она. – Хочешь, я приеду к тебе сегодня? Приготовлю ужин...

– Нет, Лена, – мягко отказался Илья. – Я уже поужинал – в доме у матери Дениса Боброва, откуда сейчас еду. Зинаиде Львовне потребовалась помощь.

– Что-то серьезное?

– Да нет, ерунда. Но я тебе уже рассказывал о том, какой сложный характер у Зинаиды Львовны. У меня был нелегкий день, поэтому я мечтаю лишь о том, чтобы поскорей добраться до дома, принять душ и завалиться спать. Мы встретимся завтра. Я заеду за тобой часов в девять утра, как и договаривались. О'кей?

– О'кей, – немного расстроено согласилась Лена, которая все же надеялась на то, что Илья пригласит ее сегодня к себе.

– Тогда до завтра! – попрощался он. – Целую!

Дома Илья первым делом включил ноутбук. И пока тот загружался, наполнил электрическую кофеварку водой и засыпал молотый кофе. Вновь вернувшись в комнату, он с нетерпением покосился на компьютер, борясь с желанием тут же сесть за него. Нет, вначале он делает, как и планировал, необходимые приготовления – кофе, душ, чтобы потом с удобством, не отвлекаясь на мелочи, просидеть в Интернете остаток вечера и часть ночи, собирая информацию о похожих случаях с появлением странных пятен.

Илья не разочаровался в своих ожиданиях. В Интернете он нашел достаточно информации. Более того, одна история оказалась невероятно похожа на случай в квартире Зинаиды Львовны. С той лишь разницей, что произошла она почти сорок лет назад, и не в России, а на юге Испании. Илья с трудом удержался от того, чтобы не позвонить Денису. Остановило его лишь то, что время уже давно перевалило за полночь и Бобров наверняка уже отдыхает после трудового дня.

Павел Иванович

Каждое утро было похоже на предыдущее, словно брат-близнец. Менялась только погода за окном соответственно сменяющим друг друга временам года. То разбивались о подоконник капли дождя, а сердитый ветер швырял в окно сорванную с обнажающихся деревьев бурую листву. То тонкий слой недолговечного снега стыдливо скрывал под собой растрескавшуюся от времени краску на подоконнике. То пробивались сквозь запыленное стекло солнечные лучи, подчеркивая недостатки давно не убираемой комнаты: выхватывали забытую на заваленном бумагами столе тарелку с засохшими остатками еды, «проходились» по белесому слою пыли на старой мебели, с любопытством «ощупывали» книги в потрепанных переплетах, громоздившиеся и на столе, и на стульях, и прямо на полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.